

Александр ЛИДИН
ПРОВОДНИК

Александр Лидин

Проводник

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178958

Проводник: Ленинградское издательство; Санкт-Петербург; 2009

ISBN 978-5-9942-0260-9

Аннотация

Герой нового фантастического романа А. Лидина – наш современник – человек, волею случая попавший на службу Высшим силам. Он незаметен, ничем не выделяется из толпы, но он – *проводник*, открывающий двери в иные вселенные и сопровождающий караваны, идущие между мирами. Однажды, не послушав своего ангела-хранителя – демона, он заключает договор, нарушающий установленный порядок вещей во Вселенной, и теперь вынужден дорого заплатить, чтобы вернуть все на круги своя...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	38
Глава 3	69
Глава 4	102
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Александр Лидин

Проводник

Этот мир розовый для вас и черный для меня.
Теодор Старджон

Всякие совпадения в портретах героев с реально существующими людьми – чистая случайность.
Автор

Глава 1

Караван смерти

Кровная месть – еще один архаический институт, несмотря на свою варварскую сущность, прекрасно пугает традиционное общество от целого ряда преступлений.
М. Каддафи

За окном идет снег. Сидя за письменным столом в своем рабочем кабинете я слежу, как снег покрывает белым саваном широкую реку Богатырского проспекта. Дома напротив застыли траурными серыми громадами, словно родственники, пришедшие на похороны и столпившиеся над могилой покойного. Сейчас откроют гроб, и начнутся рыдания и причитания. Но город беспощаден. Он не плачет над мертвы-

ми...

Передо мной на столе лежит пачка писчей бумаги, справа – три одноразовые гелевые ручки, слева – колода карт. Я остался один, и пора подвести черту.

С чего все началось? Пожалуй, с того груза. А может, все дело в том, что, почувствовав себя слишком усталым, я на неделю майских праздников удрал на дачу? Для меня все началось десятого мая, когда я, не ведая, что меня ждет, явился на работу...

* * *

Кровь.

Повсюду была кровь. Казалось, кто-то обмакнул огромную кисточку в ведро красной краски и забрызгал белые стены и потолок, придав модному евростандарту элемент современного дизайна. Но я сразу понял – это не краска. Да и пахло тут как на скотобойне. Удивительный запах – «смесь соли и боли». А ведь совсем недавно в этой комнате располагалась бухгалтерия нашей компании грузоперевозок...

Честно говоря, я подсознательно ожидал чего-то подобного. Зловещих знаков хватало с избытком, просто я много работал и не обращал на них внимания. Мы пытались сжечь на даче прошлогоднюю траву, но пламя так полыхнуло, что едва не спалило наш дом и соседский забор. Только *заклятие земли* – слава Богу, я помнил его наизусть – помогло спра-

виться с пожаром. Черные птицы... Вы когда-нибудь видели, чтобы десяток черных воронов, рассевшись на заборе рядком, громко кричали, стараясь заглушить друг-друга? А красная луна? Выйдя ночью до ветру, я, вместо желтого серпа, увидел в небе красный нарыв – нарыв, который в любой миг мог лопнуть, залив землю смертоносным гноем... Знаков того, что все кончится плохо, было предостаточно. Только я им не внял, или не захотел внимать. К тому же последнее время дела у нас с Олегом шли уж слишком гладко... Впрочем, теперь-то какая разница...

Двое делопроизводителей, младшие бухгалтера – все были мертвы. Скорчившись, замерли они у своих столов в лужах крови. Я склонился над одним из них. Повернул его голову, чтобы взглянуть в лицо, и отшатнулся. Выпученные глаза, перекошенный рот. Какой ужас явился ему перед смертью? Несколько секунд вглядывался я в остекленевшие глаза мертвеца. Потом осмотрел раны. На шее и запястьях артерии оказались вскрыты, словно огромный коготь прошелся по телу, вспарывая мягкую плоть, разрывая ткань одежд. Видимо все произошло очень быстро. Никто из сотрудников не успел даже подняться со своего места... И равнодушно взирали на своих мертвых хозяев черные глаза мониторов.

Кровь... Кровь... Кровь...

Осторожно переступая через темно-красные лужи и ручейки я прошел к двери в приемную. Медленно приоткрыл

дверь.

Катерина, наш секретарь, сидела на своем месте, – тоже мертвая. Ее ладони лежали на столе по обе стороны от клавиатуры компьютера, и в каждую ладонь был вбит здоровенный гвоздь. Интересно, какую силу нужно иметь, чтобы вбить так, что он прошел сквозь кисть человека и вонзился по самую шляпку в офисный стол? Нас посетил кто-то *оттуда*? Даже самые суровые отморозки нашего мира не расправляются с жертвами с такой жестокостью. Первоначальный шок прошел, и я взглянул в лицо Катерине. Кто-то вогнал ей по гвоздю в оба глаза, причем гвозди прошли сквозь стекла очков, проделав в них аккуратные дырочки с оплавленными краями... У меня рассеялись последние сомнения. Такое без помощи колдовства сделать невозможно.

Рывком отворил я дверь нашего кабинета и увидел Олега. Мой компаньон сидел за столом. Головы у него не было. Я узнал его по френчу. Он – единственный из моих знакомых – носил френч. Я даже под стол заглянул, не закатилась ли туда его голова. Нет, головы нигде не видно...

Возвращаешься на работу после майских праздников, и ждет тебя чудная картина...

Я никогда не считал себя слишком чувствительным. С детства, с тех пор как я впервые соприкоснулся с колдовством, я знал, что такое смерть. Она проносилась мимо меня, принимая самые удивительные и отвратительные формы. К ней никогда нельзя было привыкнуть, хотя порой, в осо-

бенности во время занятий некромантией, мне начинало казаться, что грани между жизнью и смертью стираются. Но всякий раз прикосновение ее крыла к кому-то из знакомых мне людей вызывало у меня невольную дрожь.

Однако надо было что-то делать. Общение с правоохранительными органами в мои планы не входило. Мне не хотелось посвящать кого-то из служащих правопорядка в суть деятельности нашей конторы. Нельзя было объяснить произошедшее просто *колдовством*. Боюсь, не поняли бы... Нам могли инкриминировать и незаконную иммиграцию, и контрабанду, и нарушение государственной границы. Один Бог знает, что может придти в голову «этим пчелам».

Первое, что я сделал – вернулся назад к дверям офиса и запечатал их заклятием. Благо, крови хватало, я не экономил. Теперь в офис никто, кроме меня зайти не мог. Даже если станут использовать силу, то скорее уж стены дома проломают, а дверь останется стоять. Потом...

Но тут все мои рассуждения прервал телефонный звонок – «Мы крррасные кавалеррристы...» в исполнении электронного синтезатора. Кто-то звонил Олегу по мобильнику. Так как сам Олег ответить не мог, я вернулся в кабинет и взял его аппарат.

Звонила Юлия. Как это я не заметил, что ее тела нигде нет?

– Алло?.. Олег Васильевич, вы слышите?..

– Это Артур, – ответил я. – В чем дело?

– Артур, – облегченно выдохнула Юлия. – Слава Богу, это ты. Слушай, у нас тут неприятности...

«Интересно о чем это она? – пронеслось у меня в голове. – О каких еще неприятностях может идти речь?»

– Какие еще? – поинтересовался я, глядя на срез шеи своего компаньона.

– Неприятности с грузом, – задохнулась Юлия. – А ты сейчас где? В конторе?

– Говори, что там случилось? – я не собирался отвечать на ее вопрос. Она говорила она про какой-то груз. Но ведь мы же с Олегом договаривались, никаких перевозок в майские праздники. Всем отдыхать. Пусть бухгалтеры подобьют печальную графу «итога», а после праздников, как говорится, возьмемся с новыми силами. Однако показывать, что я не в курсе, не стоило. Олега мог ведь мне позвонить, хотя бы сказать, что затевает. Я-то от него ничего не скрывал.

– Что там у тебя? Менты?

– Нет. Мы ушли с шоссе на шестьдесят первом. Но, мне кажется, кто-то за нами увязался, к тому же с грузом нелады... – она начала что-то тараторить, но я резко прервал ее.

– Подожди. Давай по порядку, – и, выждав паузу, продолжал. – Куда накладная?

– А ты разве не знаешь? Озерный монастырь.

– Понятно, – о монастыре я слышал впервые. Странно. Неужели кто-то указал Олегу новые ворота, и это без меня? – Подожди, тут кто-то звонит. Оставайся на линии, – попро-

сил я Юлию. И тут же мысленно обратился к Тоготу. Тот как всегда спал и оказался очень недоволен, что я его потревожил. – *Ты знаешь Озерный монастырь?*

Тогот фыркнул. Я ясно представил себе его перекошенную зеленую морду – оскаленные желтые клыки и фиолетовые глаза, затянутые сонной поволокой.

– *Говенное местечко...*

– *Что, так плохо?* – удивился я.

– *Лучше туда не лезть,* – судя по звуку, Тогот широко зевнул. Мой маленький покемон постепенно просыпался. – *Неприятное это место, и груз туда возить не надо. Кто откроет там врата, не получит ни... чего.*

«Во что же ты, Олег, сдуру ввязался», – подумал я, однако постарался скрыть эту мысль от Тогота.

– *Подожди, я говорю по телефону, потом тебе все объясню,* – ментально ответил я.

Тогот лишь недовольно фыркнул. Он, словно маленький, непоседливый ребенок терпеть не мог ждать.

– Да, слушаю, – вновь заговорил я в трубку.

– Тут все хуже и хуже, – испуганно откликнулась Юлия. – Теперь у меня никакого сомнения нет, они гонятся за нами. И груз... Груз им как будто отвечает! У меня шофер бунтует...

Я тяжело вздохнул.

– Хорошо, попробую быстренько свернуться и прибыть к вам, а вы пока жмите на газ... Шоферу денег посули. Когда

буду готов, перезвоню.

И я отключился. А что еще я мог ей сказать? Честно говоря, слишком уж все неожиданно вышло. Юлия, – судя по всему, последний наш сотрудник оставшийся в живых, – сопровождает какой-то груз. И тут я понял, что если она пару минут назад миновала шестьдесят первый километр, то выехала не более двух часов назад, а, значит, утром все сотрудники и Олег еще были живы. Кровь не успела даже свернуться! Значит, я всего на несколько минут разминулся с убийцей. Может быть, будь я в конторе, ничего такого и не случилось бы. Хотя, что бы я смог сделать? Защитные заклятия Олег знал не хуже меня. Вот если бы дело касалось врат и перевозок...

Однако рассуждать было некогда. Нужно было действовать. Подойдя к своему столу, расположенному напротив стола Олега, я выдвинул нижний ящик, произнес одно заклинание, потом другое, и открыл тайный, невидимый ящичек, где хранил «вальтер» с глушителем и пару коробок освященных в церкви патронов с тонким серебряным напылением. Правда, обоймы у меня было всего две, но ведь я же не на войну собирался...

* * *

Вот так все и началось.

Сейчас, пытаюсь анализировать события того дня, я удив-

ляюсь собственному хладнокровию. Конечно, всю жизнь занимаясь магией, бывая в местах не столь уж далеких от общепринятого понимания ада, я привык к «неприятным» зрелищам, привык созерцать трупы, мог, если нужно, не задумываясь, убить человека. Но ведь любой причастный к *колдовству*, постигая это искусство, рано или поздно приходит к отрицанию общечеловеческой морали. Колдовство – тайна, известная лишь избранным – возносит мага над толпой, пусть даже этот человек совершенно лишен амбиций.

Гибель Олега и наших сотрудников... Про Олега разговор особый, а что касается сотрудников... Это были обычные люди со своей жизнью; радостями, огорчениями разочарованиями, многие делились со мной своими проблемами, я как мог, помогал им (в основном – материально). Странно, но в те первые часы, увидев кровавую бойню, (то, что осталось от знакомых мне людей), я не скорбел. В какой-то миг часть моего сознания существующая, под властью *колдовства* взяла контроль на себя, и я превратился в машину – биоавтомат, которому надлежало выполнить определенную программу, лишь потом задумавшись о смысле происходящего.

* * *

Сидя на углу стола в конторе, набитой трупами, я решил вызвать подмогу. К кому я мог обратиться? Тагот? Он и так

всегда со мной. Нужно было призвать кого-то еще, того, кто не стал бы задавать лишних вопросов и готов был ради меня пожертвовать своей шкурой. Орти? Нет. Мы оставались друзьями, хотя давно не виделись, но ведь он был *создателем*. Значит... Оставались только «дамы». Дамы! Я вновь вспомнил дрожащую руку старика, вновь услышал его зловещий шепот: «...бойся четырех дам...». Но ведь призванных только три... Да, больше мне не к кому обратиться. Я принял решение, тем самым совершив вторую роковую ошибку... Однако на то, чтобы вызвать дам ушло бы достаточно много времени. А по словам Юлии, времени у меня не было. Тем не менее, прежде чем начертить пентограмму телепортации, я вновь обратился к Тоготу, сообщил лентяю, что Олег мертв и попросил собрать «дам», пусть ждут меня в «пансионате»..

– *...Оставайтесь во всеоружии и будьте наготове. Если дела пойдут совсем плохо, попытайтесь вытащить меня,* – закончил я.

Вот чего не любил Тогот, так выслушивать мои приказы, а тем более их выполнять. Будучи много старше меня, на какие-нибудь семь-восемь тысяч лет, он считал, что только он может принимать верные решения и отдавать приказания. Однако на сей раз он спорить не стал. Видно что-то в моем голосе подсказало маленькому зеленому засранцу, что сейчас не до капризов и пререканий.

– *Будет исполнено,* – недовольно пробормотал он, подражая джину из тысячи одной ночи.

После этого я позвонил Юлии.

– Ну что там?

– Похоже, они отстали, – затораторила она. – Но с грузом все хуже и хуже!

Даже сквозь ее прерывистое дыхание и гул мотора грузовика, я слышал грохот и скрежет, словно кто-то пытался пробить, разорвать металлический лист.

– Тормозните, – приказал я. – Дай мне маяк. Прибуду, разберемся.

Юлия, в отличие от остальных наших сотрудников, если конечно, исключить Катерину, специализирующуюся исключительно на любовных заклетах, имела общее представление о магии. По-крайней мере она могла создать колдовской маяк. В общем, *крибле-крабле-бумс*.

Я соскочил со стола, шагнул в пентаграмму и мысленно произнес необходимую формулу. Но что-то пошло не так.

Обычно переход занимает две-три секунды. Звучат последние слова заклета и пентаграмма вспыхивает. На несколько мгновений ты оказываешься в сером тумане. Что это за туман? Туннель нульперехода, как любят называть его писатели-фантасты, или иное измерение. В общем, *ничто и нигде*. А потом ты, словно стрелка магнита, притянутый к полюсу маяка материализуешься там, куда направлялся. Но в этот раз все вышло иначе.

В *нигде* я болтался минут пять. Если обычно, колдовское перемещение напоминает плавное скольжение, то в этот раз

я попал в настоящий шторм. Меня мотало из стороны в сторону. Проклиная Юлию, и ее безграмотность в колдовских делах – в первый момент я решил, что виновата именно она – я тут же попробовал попросить помощи у Тогота, но то ли отсюда наш мир был ментально недоступен, то ли мой покемон уже отправился исполнять поручение, но ответа я не получил.

Тогда я сосредоточил все внимание на поиске «огонька» маяка Юлии. Через некоторое время мне удалось почувствовать слабые пульсации силы, хотя это мог быть и другой колдовской маяк.

Неожиданно меня выбросило в нашу реальность. «Приятная» материализация в зарослях колючих кустов. Мои ноги сразу ушли по щиколотку в ледяную болотную жижу, вода хлынула внутрь кроссовок, закачивая в меня новую порцию оптимизма. Между тощими сосенками ползли клочья тумана, небо затянули по-осеннему низкие тучи. Чудное местечко. Не хватало только, чтобы пошел дождь с мокрым снегом.

Я попытался снова позвать Тогота. Мне никто не ответил. Значит, мой персональный демон уже покинул эту реальность, отправился за подмогой. Что ж, подмога мне и в самом деле не помешала бы. А пока придется выкручиваться самому.

Осторожно, стараясь не шуметь, я двинулся туда, где кусты подлеска росли реже. Здесь меня постигло новое разочарование, с кроссовками пришлось расстаться. Ноги-то я вы-

ташил, а вот мои «тапочки» остались под водой, и выудить их из болотной жижи не представлялось возможным. Дело в том, что я никогда не завязывал шнурки. Так, заправил их внутрь и пошел. Удобно, на ноги не давит, опять-таки быстрее одеваться. Моя лень! Кроссовки остались под водой, а я в носках пошлепал по болоту, бормоча себе под нос ругательства. Естественно я тут же несколько раз сильно укололся. Сквозь толстые носки я чувствовал наледи, оставшиеся на дне. Все-таки начало мая. Единственное, что меня утешало, так это то, что Олегу пришлось много хуже...

Неожиданно где-то справа раздался приглушенный стон. Я замер. Рука сама легла на рукоять «вальтера». Очень медленно я развернулся, посмотрел в ту сторону, откуда, по-моему, донесся вздох, потом сделал в том направлении несколько шагов и неожиданно оказался у обочины. Насыпь грунтовок холмом возвышалась передо мной.

Сделав еще шага два и выкарабкавшись на песчаный склон, я увидел колдовской маяк. Однако пентаграмма оказалась разорвана. Поверх пентаграммы лежал труп мужчины. Чуть поодаль свернулась калачиком Юлия. И опять кровь...

Покрепче сжав пистолет, я снял его с предохранителя, дослал патрон в ствол. Щелчок затвора громом разорвал тишину, повисшую над болотом. Только сейчас я обратил внимание на то, как тихо вокруг: ни шороха ветра, ни крика птицы.

Юлии не повезло. Она еще была жива, но ее лицо – силь-

но изуродовано. Как будто чья-то когтистая рука прочертила кровавые полосы, разворотив щеки, перерезав надвое хрящик носа и выцарапав оба глаза.

* * *

Юлия.

Она не была красавицей. Стройная, высокая, чуть выше меня, она всегда казалась мне девушкой себе на уме. Познакомил нас Олег. Какое-то время мы осторожничали, присматривались друг к другу. Потом был корпоративный вечер. А если выразаться точнее – пьяная вечеринка. Джинтоник, пиво, водка – набор стандартен. Нет, по трезвому я никогда не затащил бы ее в постель. Я всегда сторонился таких дам. Они могут стать хорошими собеседниками, с ними приятно посидеть в баре, выпить кружку-другую пива, а то и выкурить травки, рассуждая о высоких материях, ведя беседу на сленге псевдокультурной интеллигенции, где смешиваются несовместимое: Фрейд, Пелевин, Толкиен, Антониони и Шнуров.

Но в постели... В постели такие дамочки, доводят мужчин до иступления, требуя невозможного. Эротоманки, кончающие лишь под жесткое немецкое порно. Увольте! В итоге, одного раза нам хватило за глаза, по крайней мере, мне. Утро принесло лишь недоумение и позднее раскаяние, а также вечный вопрос: «Зачем это было нужно?»

Я знал, что у Юлии растёт дочь. Правда, судя по Юлиному образу жизни, воспитанием девочки занимались бабушка с дедушкой. Мама появлялась лишь иногда, являясь спонсором, а не родителем. Сама же Юлия плавно витала где-то между курсами трансидентальной медитации и психологическими семинарами. Где и как Юлия встретилась, а потом рассталась с мужем, я понятия не имел. Впрочем, этот вопрос меня никогда особо и не интересовал.

Когда же мы с Олегом открыли свое дело, мои колдовские занятия перешли на новую стадию. Я уже не мог в одиночку справляться с ролью *проводника*, и мы пригласили Юлию на работу, как человека посвященного в ряд наших тайн, человека не способного в случае ссоры навредить бизнесу, однако достаточно опытного; чтобы можно было на него положиться. Естественно, она, впрочем, как и остальные, за исключением пожалуй Олега (он если и не знал наверняка, то догадывался о многом), не подозревала о моей роли *проводника*, ничего не знала о существовании Тогота, о лишнях дверях в моей квартире и еще об очень многом.

Мне неизвестно, какая роль была ей отведена в этих трагических событиях, но уверен, не последняя, часть ее вины в случившемся тоже есть.

Но сейчас она лежала на дороге, в луже крови, и мне было безумно жаль несчастную...

Юлия лежала, жадно ловя ртом воздух. Кровавые пузыри вздувались в уголках ее рта, из глубоких ран обильно сочилась кровь. От вытекшей глазной жидкости и крови веки слиплись. И только склонившись над ней, я заметил, что обе руки ее вывернуты под неестественным углом.

– Потерпи, – пробормотал я, и произнес заклятие, снимающее боль. Не знаю, насколько оно подействовало, однако дыхание несчастной стало более размеренным.

Тогда я вернулся к мужчине. Тот был мертв. Судя по пятнам машинного масла на руках и одежде – водитель. Он погиб сразу – посреди лба у него темнело пулевое отверстие. Значит, мои противники вооружены. И они полагаются не только на колдовство, но и на современное оружие. Хорошо... В том, что их несколько, я не сомневался.

Однако стоило расспросить Юлию. Я вновь подошел к ней и постарался напрячь все свои телепатические силы. То, что я с легкостью ментально общаюсь с Тогогом, ни о чем не говорит. В телепатии я не силен, и даже самые мощные заклятия делают меня едва восприимчивым, в то время как многие, тот же Олег, могут с легкостью общаться с нужными людьми за много сотен километров. Тем не менее, мне необходимо было узнать, что же тут произошло. Я как можно ниже склонился над умирающей, коснулся пальцем раны,

и почувствовал, как она вздрогнула. В какой-то миг мне показалось, что контакт установлен. Между нами словно пробежала искра. Юлия расслабилась, поняла, что я рядом и теперь все будет хорошо.

– Это Артур... Что случилось? – медленно произнес я.

– Они напали, – едва слышно прошептала она. А может, это были всего лишь ментальные вибрации? – Они напали, когда мы остановились. Они... Когти...

Ну, то, что ее тело рвали когтями, я и так видел.

– Артур, что со мной? Что с глазами... Я не чувствую рук...

– Кто на тебя напал? – спросил я. – Скажи, кто это был? Нечисть?

Не знаю, что я имел в виду под словом «нечисть». Скорее нужно было сказать «твари другого мира».

Юлия молчала. Казалось, я слышу удары ее сердца, ощущаю пульсацию крови. В любое мгновение она могла умереть, а я так и остался бы в полном неведении. Я попытался максимально сконцентрировать, и на мгновение мне показалось, что я различил черные плащи «горгулий». Содрогнувшись всем телом, я отпрянул.

– Они были в черных плащах... – вновь заговорила Юлия. – Чудовища... Кошмар... – она еще что-то бормотала, но ее слова слились, превратившись в невнятное бормотание. Можно было разобрать лишь отдельные звуки, которые никак не хотели складываться в слова.

Однако главное я узнал: кто-то наслал на нас «горгулий». Кто-то открыл ворота и впустил их в этот мир, натравив на нас. Неужели в Питере есть еще один *проводник*? Вряд ли. Тотот бы знал об этом. Но сейчас размышлять времени не было.

Быстрыми движениями я обшарил карманы мертвого водителя. Ничего. А я-то надеялся найти у него какую-нибудь квитанцию, а еще лучше накладную на товар. Видимо, документы остались в машине. Выйдя на дорогу, я огляделся. Да, тут не имело смысла ждать попутки. Видимо, придется идти пешком до ближайшего шоссе. Только в какую сторону? Я решил действовать наобум. Груз, скорее всего, уже не вернуть. Контора накрылась. По крайней мере, мне понадобится довольно много времени, чтобы «отмыться», и когда я снова займусь «перевозками», – неясно. Но навестить Озерный монастырь необходимо. Зарывать топор войны еще рано, я, можно сказать, его только откопал.

Тяжело вздохнув, я повернулся, вскинул «вальтер». Пуля вошла Юлии точно между глаз, точнее между глазными впадинами. Тело девушки дернулось.

* * *

Горгульи.

Впервые я столкнулся с ними давным-давно.

В тот раз караван состоял из десяти рабов и пары воинов.

Рабы были грязными, едва прикрытыми лохмотьями дикарями; воины – надменными варварами. Они носили средневековые доспехи с высокими плюмажами, хотя у каждого на боку висел пистолет. Даже Тогот не знал их языка.

Появились они в руинах дома на окраине Охты. Этот двухэтажный особняк был предназначен на снос. Внутри грязь, мусор, запустение. А переправить караван мне надлежало на «Корабли» – самую оконечность Васильевского острова, то есть, фактически, провести через весь город. На все, про все у меня было пять-шесть часов. Если бы я не успел, то вся компания зависла бы в нашем мире еще на сутки, а это не устраивало ни их, ни меня.

Самой большой трудностью оказалось заставить воинов разрешить рабам хотя бы частично переодеться. Для этого пришлось снять оковы с несчастных. Кроме того, как я уже сказал, мы друг друга совершенно не понимали. Старший из воинов, что-то гортанно завывал, пытаюсь поддерживать видимость порядка. Рабы норовили разбежаться – им совершенно не хотелось оказаться там, куда мы их собирались доставить. Тогот пищал мне в ухо, пытаюсь меня вразумить.

В итоге я за бешеные деньги нанял грузовик, объяснив, что у меня иностранные актеры в костюмах с очень дорогим гримом, и что их срочно нужно доставить на другую съемочную площадку. Не знаю, поверил ли мне водитель того грузовика, рассказ мой был шит белыми нитками. Какие съемочные площадки? Ни статистов, ни подсобных рабочих, ни

осветителей. Да и выглядели мои «клиенты» слишком натурально. Не бывает столь натурального грима.

Тем не менее, триста долларов сыграли свою роль. Водитель ни о чем не спрашивал. Понимая, что у меня нет никакого желания общаться с милицией, он вел машину осторожно, и уже через час караванчики прятались среди зарослей западной оконечности Васильевского острова, в то время как я шастал по окрестным стройкам, пытаюсь определить, где же именно откроется нужная нам дверь.

И когда я уже вел караван «на выход»; когда до двери портала оставалось не более ста метров, на нас обрушились «горгульи». Две огромные черные фигуры в плащах с низко надвинутыми капюшонами заступили воинам дорогу. Из-под плащей выдвинулись когти – каждый в метр длиной. Однако воины были готовы. Первыми же выстрелами они смели нападавших. Потом старший что-то закричал, размахивая руками. Тот воин, что помоложе, бросился к открывающемуся portalу, пинками подгоняя испуганных рабов. Я застыл, не в силах пошевелиться. Тот орал мне в ухо, требуя, чтобы я как можно быстрее уносил ноги, но я стоял, как вкопанный.

Неожиданно вокруг засвистели костяные дротики. Из-за груды бетонных плит появилось еще с десятков тварей. Воин постарше открыл беспорядочный огонь, заставив «горгулий» попятиться. Во все стороны полетела бетонная крошка. Воин что-то кричал мне, но из-за грохота выстрелов я его со-

вершенно не слышал. Тогда, махнув, он бросил мне какой-то мешочек. А я, не теряя времени, уже творил защитное заклятие. Наконец, повернувшись, воин со всех ног бросился следом за остальными.

Когда двери врат между мирами закрылись, меня окружило с десяток тварей. Не смотря на уверения Тогота, я понимал, что заклятие не выстоит. Бежать было поздно.

– Приветствую тебя, *проводник*, – объявила одна из тварей, шагнув вперед. Одновременно едва различимым движением она скинула капюшон. Зрелище, открывшееся мне, оказалось, мягко скажем, отвратительным. Голова твари представляла некую смесь, гибрид между головой дьявола («горгульи») и головой Хищника – любимца Шварцнеггера. Вместо губ и зубов – жвалы, под которыми раскачивалась козлиная борода; тонкий длинный нос, густые брови, глубоко посаженные кошачьи глаза и, конечно, рога, возвышающиеся над продолговатым белым черепом, напоминающим скорее шлем викинга. – Ты делал свое дело, мы свое. Ты можешь идти, – голос у «горгульи» был скрипучий, словно кто-то водил куском железа по стеклу, и от звуков этого голоса мурашки позли по коже.

И тогда я медленно попятился. Ноги у меня подкашивались. Еще чуть-чуть, и я бы рухнул в грязь.

Не знаю, почему они не тронули меня. Видимо, это не входило в их планы.

Ноги я сбил примерно через полчаса. А еще минут через десять я понял, что выбрал верное направление – посреди дороги, преграждая мне путь, лежал рваный кусок металла. И свежие царапины говорили о том, что совсем недавно какая-то чудовищная сила вырвала его из борта металлического контейнера грузовика, свернула в невообразимый узел и швырнула на дорогу.

Да что тут творится?!

«Горгульи» этого сделать не могли. Пусть даже они много сильнее среднего человека, но трехмиллиметровый стальной лист им не порвать. К тому же «горгульи» не пользуются огнестрельным оружием. А ведь шофёра – если, конечно, это был шофер – застрелили.

Какие же твари могут обладать подобной силой? Я стал мысленно перебирать всех чудовищ, которых встречал во время путешествий по иным мирам, но ничего похожего на ум не приходило. Точнее, я мог бы назвать более сотни тварей, способных сотворить подобное, но не мог представить себе, зачем кому-то понадобилось переносить их в наш мир. Не говоря уже о том, что я понятия не имел, как неведомые мне «они» смогли это сделать.

Я вновь мысленно обратился к Тогогу, и мой демон откликнулся.

– Ну? – нетерпеливо поинтересовался я. – Ты привел «дам»?

– Нет, – вздохнул демон. – Но я послал им гонца. Сейчас они слишком далеко от ближайших врат, а действие заклятий в их мире крайне ограничено. Думаю, они прибудут завтра вечером.

– К тому времени с меня могут заживо снять шкуру, – проворчал я. – Тут похоже действовали «горгульи».

– Я так и думал... – в голосе Тогота зазвучали злобные нотки. На какое-то мгновение мне показалось, что демон что-то знает, ведь он ожидал чего-то подобного, и мои слова всего лишь подтвердили его худшие опасения.

– Пока я тут бреду по какой-то сельской дороге, ты бы рассказал мне все, что знаешь про Озерный монастырь и всю эту чертовщину...

На самом деле Тоготу рассказывать было особенно не о чем. По крайней мере, тогда. Озерный же монастырь славился тем, что еще в старые времена, несмотря на многочисленные запреты, его монахи занимались магическими опытами. С приходом советской власти монастырь не был разогнан, а продолжал тихое незаметное существование. Со стороны могло показаться, что власти о нем забыли. Что там сейчас происходит, никто не знал, но в определенных кругах (Тогот в свойственной ему манере надулся, напуская тень на плетень и пытаясь придать своим словам как можно больше значения) считалось, что с обитателями сего места лучше не

связываться.

– Странно это, – пробормотал я себе под нос. – Монастырь в трех шагах от Питера, а о нем никто никогда не слышал, никто не знает, и думаю... на карты он тоже не нанесен.

– *Верно*, – согласился Тогот.

Тогда, на дороге ситуация казалась мне довольно простой. Монахи захотели получить какой-то груз, и, видимо, пообещали Олегу открыть ворота. Сам бы Олег ворота не нашел. И тут, видимо, им на хвост сели «горгульи» – эти грабители, шастающие между мирами. Не знаю, подозревали ли монахи о существовании «горгулий», Олег-то точно не подозревал.

* * *

Неожиданно деревья расступились. Дорога вильнула, огибая небольшое озерко. Тут, на Карельском перешейке таких озер множество.

– *Я что, уже до монастыря добрался?* – поинтересовался я у Тогота.

Тот некоторое время молчал, видимо каким-то своими демоническими способами вычисляя мое месторасположение, потом насмешливо фыркнул.

– *Ты, чего, сдурел? Монастырь тот почти у самого Приозерска.*

– *А я почему знаю*, – огрызнулся я. – *Гляжу, озеро и озеро...*

В ответ мой покемон лишь хмыкнул.

– *Осторожно!* – неожиданно взорвался Тотот. – *Кто-то рядом и этот кто-то тебя не любит!*

– *Тихо!* – шикнул я, и весь обратился в слух.

В какой-то миг мне показалось, что я и в самом деле перенесся в иной мир. Было тихо. Не просто тихо, а тихо как в могиле, как в вакууме. Ни ветерка, ни шороха набегающих на берег волн. Прямо передо мной раскинулось озеро – водная гладь, над которой рваными кусками ваты застыли клочья невероятного густого тумана. Справа, огибая берег, протянулась грунтовка, за ней застыл лес – тонкие голые палки, торчащие из земли. Пейзаж выдержан в холодных строгих тонах: темная вода, тускло-бурая подернутая инеем дорога, черные покосившиеся стволы, белый с серым отливом туман, серое, затянутое облаками небо.

Разрывая гнетущую тишину, откуда-то с другого края озера, донесся крик. Так, наверное, кричат грешники в аду. Это был крик отчаянья и боли. Он звучал всего несколько секунд, а потом неожиданно стих. И вновь над озером воцарилась мертвая тишина.

Тут на меня и напали. Я успел заметить краем глаза какое-то движение. словно что-то метнулось ко мне из леса, взвившись по откосу и одним прыжком перескочив через дорогу. Волна холода обрушилась на меня – словно я нырнул в горную реку. Полуобернувшись, я, не думая, инстинктивно, надавил на спуск.

Бум! Бум! Бум!

Тень словно налетела на каменную стену.

Бум! Бум!

Машинально, я освободил пустую обойму и вогнал в рукоять пистолета следующую. Вторую. Последнюю.

Нападавший лежал на земле не шевелясь.

Прежде чем подойти и посмотреть, кого же я подстрелил, я трясущимися руками достал из кармана коробку с патронами и лихорадочно начал набивать пустую обойму. Постепенно я приходил в себя. Холод отступил. А может, это мне только показалось? Может всему виной напряжение последних часов?.

Наконец, держа пистолет наготове, я осторожно подошел к нападавшему. Создание (я сразу понял, что это не человек) лежало неподвижно лицом вниз, но ни крови, ни видимых ран на теле не было. Из-за широких одежд из грубой бурой, склизкой на вид то ли ткани, то ли кожи я не мог определить форму тела, хотя, скорее всего, это был гуманоид. Голова твари по форме походила на человеческую, но волосы отсутствовали, а кожа имела неприятный зеленоватый оттенок. Решив не рисковать, я присел на корточки, поднес ствол к затылку твари.

Бум! – громом прозвучал контрольный выстрел.

Потом я осторожно коснулся левого плеча создания и попытался перевернуть тело. Мне это удалось сделать только с третьей попытки.

Новый крик – точное повторение предыдущего – заставил

меня подскочить. Только теперь я понял, как здесь жутко..

– *Да не трясись ты так,* – забормотал мне в ухо Тогот. – *Опасности поблизости больше нет. Давай-ка лучше посмотрим, кого ты там подстрелил.*

– *Заткнись,* – отрезал я. – *Тебе легко рассуждать. Сидишь у себя в «кладовке» и смотришь телик.*

– *У каждого своя роль,* – обиженно ответил демон.

Еще раз оглядевшись, на всякий случай, я вновь стал изучать убитого. Лицо его мне очень не понравилось. Оно являло собой нечто среднее между ликом языческого божества и мордой летучей мыши: сильно раскосые, глубоко запавшие глаза, тонкий нос с непомерно широкими ноздрями, челюсти выдвинутые вперед, полуоткрытый рот с тонкими губами. Зубы создания напоминали клыки хищника. Синевато-белые, они в изобилии торчали изо рта, и каждый из них размером превышал половину моего указательного пальца.

Обыскивать тварь я не стал. Ее внешний вид напрочь отбил у меня это желание.

– *Ну?* – обратился я к Тоготу. – *Встречал таких?*

Но покемон молчал. Я чувствовал, что он слышал мой вопрос, но дулся.

– *Хватит молчать. Я здесь своей шкурой рискую, а ты изображаешь из себя трехлетнего малыша, у которого отобрали любимую игрушку.*

– *А я тебе говорил,* – зашипел покемон. Видно он и в самом деле на меня обиделся. – *Не открывал бы «контору», с*

Олегом не связывался бы, и шкурой рисковать не пришлось бы.

– *Ладно, умник, – отмахнулся я. – Мы с тобой потом все это обсудим. Ты лучше скажи: ты таких тварей встречал?*

Тогот какое-то время молчал.

– *Знаешь, Артурчик, – и он сделал паузу, выжидая – подлец отлично знал, что я терпеть не могу когда меня называют Артурчиком, – я тебе после скажу. Точно я не уверен.*

– *Помог называется!*

Больше мне тут делать было нечего. Я повернулся и отошел метров на десять, направляясь дальше по дороге, когда какой-то шорох за спиной привлек мое внимания. Я резко обернулся, вскинув пистолет. Нет, больше на меня пока никто не нападал, но тело отвратительного создания исчезло.

* * *

Когда связываешься с колдовством, вокруг тебя все время происходят неприятные события. К примеру, приходишь ты к себе в «контору», а там все мертвы, и кровью стены забрызганы. Или, шел ты по дороге, пристрелил тварь, которая тебя поцеловать хотела, а она шасть... и убежала, чтобы выпрыгнуть на тебя из-за следующего поворота.

Может, прав был Тогот, когда отговаривал меня ставить *перевозки* на поток. Занимался бы я каким-нибудь обычным бизнесом. Открыл бы, для примера, торговую точку. Книги

продавал бы в переходе метро или CD и DVD диски. Сейчас, кстати, очень модная тема. Ну и в свободное от бизнеса время занимался бы колдовством. Водил бы караваны раз в полгода. Так нет, потянуло меня, фирму по перевозкам организовать.

Хотя, если честно, то дело тут совсем не в колдовстве. Иногда мне кажется, что займись я любым бизнесом, все вышло бы точно так же. А так... В каком-то роде мне даже повезло. Ведь колдовством у нас занимаются многие, не афишируя это, естественно. Но только мне повезло стать *проводником*.

А может, и не повезло вовсе?

Или это проклятие такое. А может всему виной четыре «дамы»?

* * *

На грузовик я наткнулся неожиданно. Я-то считал, что он где-то далеко, едет себе и едет. Пусть уже не к Озерному монастырю, а в другое место.

Однако вместо того, чтобы трястись по грунтовке или мчаться по шоссе, он застыл у самой воды. Рядом с ним неподвижной тенью маячила «горгулья». Тварь была одна, стояла сгорбившись у контейнера прицепа, который очень напоминал раскуроченную консервную банку. Издали создавалось впечатление, что кто-то вскрыл его изнутри, пользу-

ьясь тупым консервным ножом.

Заметив «горгулью», я тоже остановился. Прицелился. Несмотря на необычайную скорость и силу, этих тварей можно было убить. Это я знал наверняка.

«Горгулья» тоже должна была заметить меня, но даже если и так, вида не подавала. Она застыла безмолвно, без движения...

– Что-то тут не так, – пробормотал я.

– *Подойди поближе*, – тут же эхом откликнулся Тогот.

Только сделав шагов пять, я увидел еще десяток тварей. Точнее их тела. Мертвые «горгульи» лежали в ряд вдоль дороги.

– *Очень интересно*, – пробормотал Тогот.

Я отмахнулся от него, как от назойливой мухи.

Держа «горгулью» на прицеле, я начал медленно обходить грузовик. Позади него оказалось еще три твари. Они стояли ко мне спиной, окружив кого-то. Но кто скрывался за ними, я не видел. Мысленно похвалив себя за то, что не поленился перезарядить вторую обойму, я осторожно приблизился. У меня складывалось впечатление, что я вместо главной роли на этом празднике жизни получил роль второстепенного статиста.

Вновь дикий крик резанул по нервам. Определенно кричал кто-то, кого мне никак не удавалось рассмотреть. Однако «горгульи» не обратили на этот крик никакого внимания. Выждав я вновь шагнул вперед, и тут твари, словно пропус-

кая меня, расступились.

Я едва не выронил пистолет.

На берегу озера в защитном колдовском круге стоял Генка. Лицо его было перекошено то ли от боли, то ли от ненависти, лоб испачкан в крови, правая рука плетью висела вдоль тела.

Защитный круг мерцал, видно твари только что пытались прорвать его. А Генка их сдерживал. Похоже, он боролся из последних сил.

Увидев меня, Генка уставился на меня ненавидящим взглядом.

– Убери своих псов, – зашипел он. – Убери их, гадина.

Я с интересом взглянул на «горгулей», но твари не двинулись и молчали.

– *Что будем делать?* – мысленно обратился я Тоготу.

– *Ничего. Сделай паузу, скушай «твикс»,* – прошептал в ответ покемон. – *Похоже, у твоего друга есть, что сказать.*

Я вновь взглянул на Генку. Да, видок у него был еще тот.

– Убери своих продажных тварей, – вновь закричал он. – Если ты не трус, иди сюда, попробуй сам со мной справиться. Гад, ты все это специально подстроил. Ты их подкупил. Сволочь, если б я знал, я бы велел им не трогать Олега. Это ведь ты его сбил с пути истинного.

Картина становилась все более запутанной. Если эти твари устроили кровавую резню в моем офисе по приказу Ген-

ки, то почему они не нападают на меня? Причем тут Генка? Да, друзьями мы давно не были, я его уже года два как не видел. Что за груз везла Юлия? Куда он делся? Откуда взялась тварь напавшая на меня?

Неожиданно одна из «горгулий» повернулась ко мне. Я тут же нацелил на нее «вальтер», но, похоже, тварь нападать не собиралась.

– Убей своего врага, – проскрежетала она из-под капюшона. – Убей его.

– Почему я должен это делать?

– Он обманул нас.

– Это ваши дела, – происходящее начинало меня забавлять. – Если он вас обманул, вы и разбирайтесь.

– Он приказал нам убить твоих друзей, – все тем же равнодушным голосом продолжала тварь.

– Это правда? – спросил я у Генки.

Тот скривился.

– Знал бы как, и до тебя бы, гнида, добрался, – казалось, еще чуть-чуть, и он лопнет от злобы. – Ничего, ты еще у нас попляшешь... – а дальше его речь превратилась в набор ругательств и проклятий.

– Мы служили ему, но он нас обманул, – вновь заговорила «горгулья».

– В чем?

– Все дело в грузе. Теперь мы разорвали контракт. Мы больше не служим ему и не станем тебя убивать.

– Ну, это еще посмотрим, кто кого убьет...

Я выждал паузу, но «горгулья» молчала. Тогда я вновь обратился к Генке.

– Ты убил Олега?

– Да, это сделали по моему приказу! – с гордостью объявил он. – Мы так решили. И тебя, гадина, прикончат. Не я, так другие. Никуда ты от нас не денешься, – он поднял окровавленную руку и, поднеся ее к лицу, сжал кулак. – Мы тебя в порошок сотрем.

– Мы? – переспросил я. – Кто «мы»?

– Больше я тебе, ничего не скажу, – и он отвернулся, показав, что разговор закончен.

Я бросил вопросительный взгляд на разговорчивую «горгулью», но она молчала. Потом я вновь посмотрел на Генку. На мгновение передо мной предстал Олег, с отсеченной головой, изуродованное лицо Юлии. Конечно, сделали это «горгульи», но действовали они по приказу моего старого приятеля. А потом хозяин поссорился со своими верными псами. Неизвестными X, Y и Z, добавим в уравнение таинственного гуманоида, груз и мертвых «горгулий», Озерный монастырь...

– Ну, чего медлишь, ты же уже принял решение... – зазвучал в моей голове голос Тогота.

Вскинув руку, я, неожиданно для себя, выстрелил. Вся злость, что скопилась во мне, разом выплеснулась в этом выпаде. Пуля вошла Генке под лопатку. Он повернулся, по-

смотрел на меня, словно не понимая, что происходит, а потом рухнул, порвав телом защитный круг. «Горгульи» бросились к нему, а я отвернулся. За этот день я уже насмотрелся достаточно.

Глава 2

Посвящение

Призвание – гораздо более важная вещь, чем наличие формальных знаний.

М. Каддафи

Стоял жаркий сентябрь.

Той осенью мне казалось, что жизнь не задалась. Учебный год – первый год, когда у меня вместо одного учителя-воспитателя, по каждому предмету стал свой учитель, – начался отвратительно. Да, что там... Отвратительно – не то слово!

Третий класс я закончил «хорошистом». Одна тройка, и та по пению. Но тут уж ничего не поделаешь, мне медведь на ухо наступил. Несколько пятерок: по математике, по труду, по рисованию... Потом было лето на море, в Севастополе. Я загорал, купался, и ничто в моей жизни не предвещало грядущих неприятностей. Наступило первое сентября...

Еще на линейке я увидел, что в нашем классе появились новенькие – нехорошие новенькие. Один – вечно ухмыляющийся толстый увалень; второй – долговязый шкет – второгодник с противным, усыпанным веснушками лицом и копной рыжих волос, никогда не знавших расчески. Я сразу понял: с этой парочкой у меня будут проблемы. Да и не только у меня, у всего класса. Потом появилась наша классная руко-

водительница – учительница английского. Тощая, длинная дама, которая, будучи старой девой, имела весьма отдаленное представление о детях, как таковых, но зато числилась на хорошем счету в РОНО... Звали ее Инна Сергеевна.

Еще за год до школы, когда мне исполнилось шесть лет, моя мама отвела меня в кружок английского языка. «Мой ребенок должен быть образованным, знать иностранный язык», – решила она. Правда, меня никто никогда не спрашивал, хочу ли я этого. Занятия в группе английского языка превратились для меня в своеобразную пытку. Естественно, никакому языку нас не учили, преподаватель – женщина якобы «общающаяся с носителями языка» (с детства запомнил эту фразу) – за три года заставила нас выучить с десятков фраз, вроде «Гуд монинг» и «Хау а ю?». Естественно, при отсутствии слуха произношение у меня было чудовищное, но преподавательнице, выживающей деньги у родителей, для которых разницы между «Хау а ю?» и «Ни хао» практически не существовало, удалось убедить мою маму, а соответственно и меня, что у меня «йокширский» акцент.

Естественно Инне Сергеевне мой «йокширский» акцент не понравился. А тем более, что я, наивный, попытался поправить ее грамматику. Я с уверенностью поведал ей на уроке «тайны» английского языка. Этого она мне не смогла простить. Поэтому к концу второй учебной недели я уже имел две двойки по английскому, а так как к этому добавилась

тройка по математике, единица по русскому языку и двойка по физкультуре, то дом для меня превратился в ад. Никакие оправдания не принимались. Нет, ну всякое бывает: с математикой, отвлекся – ошибся, но как я умудрился забыть дома тетрадку с домашним заданием по русскому языку, а на следующий день – кеды... Букет украсили пару замечаний в дневнике. В одном из них говорилось, что я «вызывающе разговариваю с учителями», а в другом – что я «болтал на уроке».

Новички же – оба Александры – не прибавляли оптимизма, иногда одаривая меня подзатыльниками и пинками, впрочем, как и большую часть мальчишек нашего класса, которые были на голову ниже этих «шпротов-переростков»

В том году бабье лето показало себя во всей красе. Солнечные лучи искрились на желтых листьях, скрывших буднично серый асфальт. А небо казалось по-весеннему синим и высоким. Но я не замечал этих красот. Я был наказан, сидел дома и страдал.

И вот наконец-то мне «повезло». Пять по математике. Получив от матери долгожданное разрешение, я вырвался на улицу, впервые за две недели почувствовав себя свободным. Но радость моя оказалась недолгой и преждевременной. Первым, на кого я натолкнулся, выскочив из парадной был Александр-тощий. Но самое неприятное, что он был не один, а с двумя дружками. Старше меня года на два, они возвышались надо мной двумя башнями, а их кулаки напоми-

нали боксерские перчатки. Не знаю, что они в тот день делали в нашем дворе, но, натолкнувшись на них, я сразу понял, что попал.

– Смотрите-ка, кто это у нас тут? – начал Александр, зловеще улыбнувшись. Он стоял, покачиваясь, засунув руки в карманы, всем своим видом демонстрируя собственное превосходство.

– Что это за пидор? – поинтересовался тот, что справа.

– Гондон из нашего класса, – пояснил Александр. – И имечко у него идиотское – Артур.

– Это как у короля, что ли? – спросил третий юношеским, ломающимся голосом.

– Король королем, а этот точно – пидор... – задумчиво протянул Александр.

– Давай тогда поучим его жизни, – услышав подобное предложение, я понял, что нужно делать ноги. Стоя навытяжку перед этими верзилами, ничего хорошего не дождешься. Тем более, что во дворе кроме нас никого не было. Даже бабушки, которые обычно сидели на скамейке, обсуждая все подряд, куда-то подевались. И я рванул оттуда.

Я нырнул влево и что было мочи помчался к проходному двору. Если бы я успел проскочить, то оказался бы на многолюдной улице, где было много шансов отделаться от неприятной компании. Однако мне вновь не повезло. Именно в тот момент, когда я уже готов был выскользнуть со двора, выезд перегородил разворачивающийся грузовик. Я не рискнул

броситься под колеса, замешкался и тут же оказался в лапах преследователей. Мне заломили руки, наградили несколькими звонкими тумаками.

– Мы что, за тобой еще бегать будем? – прошипел мне в ухо Александр.

– Чего теперь? – поинтересовался один из его приятелей.

– Охладим пыл дебила, – предложил другой. – Там, на стройке, есть котлован. Окунем пидора.

– Угу, – угрюмо отозвался Александр.

И, выкручивая руки, они потащили меня к забору на другом конце двора. За этим забором лежал волшебный мир стройки. Строительство шло уже года три, правда, двигалось очень медленно. Раньше тут был пустырь, но как-то приехали грузовики, выгрузили бетонные плиты и сваи, рабочие наколотили забор. Однако этим все и ограничилось. Теперь, летом, огороженная территория зарастала высокими сорняками, а зимой ее засыпало снегом. Идеальное местечко для игры в войнушку или прятки... Иногда на стройке появлялись рабочие. Они то принимались что-то копать, то, наоборот, выравнивали площадку. Потом они так же неожиданно исчезали. Никто не мог сказать, что именно строится за забором и когда же закончится эта стройка. Некогда серый забор ныне приобрел цвет грязного асфальта, часть досок сгнила, выпала и сквозь дыры во двор высывались разросшиеся до невероятных размеров лебеда, чертополох и крапива...

Как я орал, пока меня, заломив мне руки, тащили через

двор! Но никто не слышал моих криков, а мои мучители веселились.

Меня протолкнули сквозь дыру в заборе, и поволокли к большому котловану, вырытому у противоположного забора. Не так давно этот котлован стали засыпать, но бросили, а дожди в конце августа превратили его в море обетованное. Вот в это грязное море и полетел я с высокого косогора. Окунувшись в грязь, я тут же вынырнул. Мне не было ни холодно, ни больно, лишь обидно, обидно до слез. В тот миг я бы все отдал, чтобы поквитаться с Александром.

Над головой ярко сверкало солнце. Я стоял по пояс в бурой жиже и рыдал, не столько от обиды и холода, сколько от осознания собственной беспомощности, а мои обидчики хохотали на вершине косогора.

Но я им быстро наскучил, и они ушли. Я выбрался из воды. Грязный, мокрый, я не мог в таком виде заявиться домой. Это было еще хуже, чем придти с двойкой. Мать не стала бы ничего слушать, для нее во всем всегда виноват был я. Да и как ей объяснить, что случилось...

Тогда, сидя на краю обрыва, прислоняясь спиной к горячей бетонной плите, я казался себе самым несчастным на свете существом. Я смотрел в бездонное синее небо и хотел лишь одного, воспарив, раствориться в этой синеве, оставив позади все эти дурацкие школы, злобных учителей, рассерженную мать, которая непременно задаст мне трепку, явись я домой в мокрой одежде. А потом я заплакал, заплакал от

жалости к себе, от осознания несправедливости окружающего мира и от того, что сам не мог ничего с этим поделать. Может именно тогда, на краю котлована, я осознал несправедливость реального мира. Если в сказках герой *всегда* побеждал, то в реальной жизни, так тогда мне казалось, герой *всегда* проигрывал и умирал.

Вот так я и сидел, мокрый, сжавшись в комок, и размазывал слезы по щекам.

Я не заметил, как уснул.

А проснулся от того, что небольшой камешек больно стукнул меня по темечку. В первый момент я не понял, что происходит. Смеркалось, и в небе фонариками уже зажглись далекие звезды. Я протер глаза, размазывая засохшую грязь по щекам, потом потрогал шишку, начавшую вспухать в том месте, где меня приложил камешек. Посмотрел вверх и увидел черную отметину, словно кто провел по бетонной плите паяльной лампой. А посреди черного пятна была выбоина. Видимо именно оттуда отвалился кусок... Только потом я перевел взгляд на другую сторону котлована. И тут мне открылась поистине удивительная картина...

* * *

В те далекие годы еще не было видеомэгнитофонов и по телевизору не показывали фильмов с Брюсом Ли. Отгороженные от всего мира высокой идеологической стеной, так

называемым «железным занавесом», мы, жители СССР, как дикари, собирали пустые металлические баночки из-под пива, пустые пачки от импортных сигарет, и вклейки от импортной жвачки. Ставя баночки в углу напротив икон, мы пытались вычитать на вкладышах жвачки с Микки Маусом откровения...

Может поэтому то, что я увидел в тот вечер, так потрясло меня. Увидь я это лет на двадцать позже, я повернулся бы и ушел. И тогда я никогда не стал бы *проводником*. Тогда для меня осталась бы закрытой часть бытия, связанная с магией, и я никогда не смог бы почувствовать себя...

Впрочем, не стану забегать вперед. Но должен сказать, что тот вечер стал для меня поистине судьбоносным.

* * *

В тот вечер предо мной открылось удивительное зрелище. Трое взрослых мужчин танцевали на бетонной плите на противоположной стороне котлована. Их тела сплетались и разлетались в стороны, движения были отточены и порой неуловимы для взгляда. То, что на самом деле они дерутся, я понял не сразу.

Я, конечно, слышал о волшебном «каратэ», даже знал, что оно бывает «контактным», но никогда не видел реального поединка. А о таких вещах как тайцзы и гунфу, я и вовсе понятия не имел...

Пока же я с удивлением наблюдал за сражающейся тройцей, двое явно стали одолевать третьего, того, кто был ниже. Из-за сумерек я толком не мог разглядеть детали. Но вот проигравший повалился на землю и больше не встал. Двое замерли над ним. Какое-то время они стояли, разглядывая поверженного соперника. Мне показалось, что еще чуть-чуть и один из них нагнется, поможет упавшему встать. Но я ошибся. Неожиданно из руки победившего несколько раз полыхнуло пламя, тишину разорвал приглушенный треск выстрелов.

Я замер, замороженный страхом. Все неприятности, случившиеся со мной в этот день, отошли на задний план. Я стал свидетелем убийства! Я видел как убили человека, и теперь смогу разоблачить негодяев. До рези в глазах я всматривался в их темные силуэты, пытаюсь различить детали. Я уже видел себя героем, окруженным ореолом славы. Вот он – тот, кто помог задержать злобных преступников, а еще лучше – заграничных шпионов! Обо мне непременно напишут в газете, или даже покажут по телевидению.

Пока я предавался мечтам, двое победителей повернулись и почти мгновенно растворились во тьме. Первым моим желанием было прокрасться за ними, проследить, где же логово врагов, чтобы потом привести туда отважных блюстителей порядка. Я привстал и почувствовал, как с одежды дождем посыпалась засохшая грязь. Наблюдая за дракой я напроць забыл о «купании». Однако, стоило мне распрямить-

ся, я понял, что не смогу сделать и шага. Ноги у меня были как из ваты. Нет, не получился из меня гайдаровский герой, отважно выслеживающий немецких шпионов! Я рвался совершить подвиг, выследить бандитов (кто, кроме бандитов, мог убить человека на заброшенной стройке!), но мои ноги! Они предали меня. Они, вместе с рациональной частью моего разума, сказали: «Нет»..

Бандиты давно ушли, а я все переминался у каменной плиты. И тут до меня дошло. Они ведь в меня стреляли. От чего я проснулся? От того, что кусочек бетона ударил меня по голове. А надо мной на плите черная опалина. Значит специально или нет, но они стреляли в мою сторону. Нет, скорее всего, случайно, если бы специально, но непременно попали бы. Мысль о том, насколько я был близок к смерти, лишила меня последних остатков мужества.

Бог с ними, с бандитами; бог с ней – мечтой о мальчике-герое и о статье в газете. Я понял, надо делать отсюда ноги и молчать. Никогда никому ни слова не говорить о том, что видел.

Я осторожно двинулся вдоль бетонной плиты, прижимаясь спиной к теплой поверхности.

– *Стой!* – это слово прозвучало, словно окрик.

Я замер, дрожа всем телом.

Значит, бандиты не ушли. Они просто скрылись в темноте, обошли стройку, а теперь прячутся где-то у меня за спиной, готовясь прикончить свидетеля.

– *Не бойся*, – и только тут я осознал, что не слышал этих слов, что они, словно по мановению волшебной палочки, возникали у меня в голове. – *Не бойся. Они ушли.*

Откуда он знает о бандитах?

– *Это были не бандиты. Они выполняли свой долг.*

Какое-то время я стоял молча, затаив дыхание. Потом едва слышно выдавил:

– Кто тут?

– *Не бойся. Подойди, ты должен помочь мне.*

Вот подойти-то я как раз и не мог. Мои ноги вновь отказались повиноваться мне. Единственным моим желанием было оказаться как можно дальше от этого места. Вернуться во двор, оставшийся где-то там во тьме, там где меня, несомненно, уже давно разыскивает мама.

– *Ты должен подойти ко мне. Ты – единственный, до разума кого я смог дотянуться. Ты обязан подойти. Иначе... нарушится установленный порядок...* – тут голос замолчал. Мне показалось, что говоривший закашлялся, но я не слышал никаких звуков, даже шум с далекой улицы не доносился сюда. – *Ты должен... Ты не пожалеешь...*

– Где вы?

– *На другой стороне этой грязной лужи.*

Словно загипнотизированный кролик, я сделал первый шаг.

– *Быстрее, я умираю...*

Старик лежал на почерневшей от огня земле. Несмотря на

полумрак, я четко видел его лицо: резко очерченный, почти орлиный нос, высокие скулы, тонкую линию рта, из уголка которого по щетинистой щеке проложил себе русло тонкий ручеек крови.

Одет незнакомец был очень странно, словно явился со съемок исторического фильма: длинный темный сюртук, белая рубаша с жабо. Узкие брюки плотно обтягивали тощие ноги. Высокие казаки с множеством металлических пряжек и цепочек дополняли его костюм.

Разглядывая его, я остановился в нескольких шагах. Я видел как тяжело вздымается его грудь, видел черную лужу крови. Старик молчал.

Так прошло несколько минут. Наконец, он снова заговорил.

– *Подойди ближе*, – я видел, что губы его не двигаются, слышал в голове голос и никак не мог понять, каким образом все это происходит. – *Подойди!*

Я робко шагнул вперед.

– *Ближе! Ближе!* – мне казалось, что в голосе старика звучат нотки раздражения. – *Совсем еще мальчишка... Ближе подойди!*

Я, словно загипнотизированный, сделал еще несколько шагов, и застыл на краю кровавой лужи, башней возвышаясь над стариком.

– *Наклонись! Наклонись!* – старик явно злился. – *Наклонись же!*

Наконец я повиновался. И тут произошло самое страшное. Старик открыл глаза. И я увидел... что они светятся во тьме. Светятся! Но они не просто светились, это были глаза хищника – желтые глаза с узкими вертикальными зрачками. Я не в силах был шевельнуться, не в силах выпрямиться, отпрянув от этого чудовища. Я смог лишь закричать, завопить во все горло. То есть мне казалось, что я вопил. На самом деле из моего горла не вырвалось ни единого звука. Я лишь беспомощно открывал рот, выпучив глаза, словно рыба, выброшенная на сушу.

И когда я уже готов был, словно спринтер, сорваться с места, старик сел и ухватил меня за запястье костлявой рукой. Что я испытал в тот миг! Слезы потоком покатались из глаз, но я даже не помышлял вырваться. Что-то подсказало мне, что вырваться и сопротивляться бессмысленно. То что должно было случиться, случится, хочу я этого или нет.

– *Ты еще и плакса,* – зло прошипел старик, и еще крепче сжал мою руку. – *Но тебе очень повезло. Я умираю, умираю вдали от дома и вынужден передать тебе то, что по праву должно было бы достаться человеку много достойнее тебя. Я передаю это тебе, потому что у меня нет выбора...* – тут он замолчал. Свет, исходивший из его таинственных глаз на какое-то мгновение потускнел, но тут же вспыхнул с новой силой. – *Тебе будет трудно, мальчик. Особенно трудно, пока ты не вырастешь, но ты... Ты... Ты не сможешь от этого избавиться. Только смерть освободит тебя.*

А чем станет мой дар для тебя, тебе решать... Помни, если ты поведешь себя как трус, если нарушишь порядок вещей, дар станет твоим проклятием, но он может и сотворить из тебя бога... И еще – опасайся четырех дам. Крестовая, отмеченная тобой, пройдет мимо, но поможет в трудный час. Бубновая предаст и, вернувшись, станет искать смерти. Червонная окажется слишком легкомысленной, чтобы помочь в твоём деле. Пиковая... пиковая будет любить, но любовь её окажется роковой... Бойся четырех дам... Когда они уйдут, ты останешься один... Всегда бойся четырех дам...

Я запомнил эти слова на всю жизнь и, наверное, слово в слово повторяю их тому, кто окажется рядом, когда придет мой час. Если, конечно, мне не суждено будет умереть в одиночестве или в кругу заклятых врагов.

А потом была вспышка. Мне показалось, что в ту руку, которую держал старик, ударила молния. Я отлетел метров на пять, врезался головой в какую-то бетонную конструкцию и потерял сознание.

* * *

Очнулся я, когда совсем стемнело. Голова раскалывалась. Ещё толком не понимая, где я и что со мной, я начал осторожно ощупывать свое тело. Вроде все на месте, все цело, только на затылке вздулась огромная шишка, да глаза болят

от того, что много плакал.

Вскочив на ноги, я огляделся. Я все еще был на этой рас-
проклятой стройке, а ведь уже наступила ночь! Мама меня
убьет. Наверняка она уже обзвонила все морги и отделения
милиции. Да уж, тут простой головомойкой не отделаешься.
А что я до сих пор тут делаю! Постепенно в моем сознании
стала выстраиваться вся цепочка событий: встреча с Алек-
сандром, купание в зловонном котловане, драка, таинствен-
ный старик... Как только я вспомнил о старике, ноги сами
понесли меня прочь. Я мчался мимо смутно вырисовываю-
щихся бетонных конструкций, бежал назад во двор, к свету,
к людям. Никогда я так не бегал. Вот и забор, светящийся
проем. Кулем вывалился я во двор, залитый светом одино-
кого фонаря.

Несколько секунд я пролежал, впившись пальцами в ас-
фальт. Мне все казалось, что вот-вот из-за забора вытянет-
ся рука скелета или щупальца ужасного чудовища и утянет
меня назад, во тьму. Но ничего подобного не случилось.
Немного успокоившись, я встал, подошел к фонарю, чтобы
повнимательнее осмотреть свою одежду. То, что предстало
моему зрелищу, ничуть меня не обрадовало. Во-первых, вся
одежда оказалась измазанной в грязи. Но хуже было то, что
у куртки напрочь отсутствовал один рукав, а правый рукав
рубашки выглядел так, словно я опустил руку в костер. «Все,
зададут мне по первое число, и год целый во двор не вый-
ду», – пронеслось у меня в голове.

И тут я увидел то, что повергло меня в самые глубины пучины пессимизма.

На запястье моей правой руки появилась татуировка. Нет скорее даже клеймо – странное переплетении бурых линий – фигура не имеющая определенной формы. Я прикоснулся к «татуировке» и тут же мою руку пронзила страшная боль, словно я прикоснулся к оголенному нерву.

Размазывая слезы по грязным щекам, я направился к своей парадной. Чтобы оттянуть неприятную встречу с родителями, я не стал подниматься на лифте, а, понурившись, побрел по лестнице. Путешествие на седьмой этаж заняло у меня минут десять. Хотя я прекрасно понимал, что чем дальше меня не будет, тем сильнее мне влетит. Но какая теперь-то разница!

Позвонив, я замер перед дверью, опустив голову. И когда мать открыла ее, первое, что она сказала:

– Слава богу, нашелся! – а потом. – Боже, Артур, что с тобой случилось! Ах ты маленький негодяй, сволочь...

В этом месте позвольте мне опустить занавес. Дальше все развивалось по самому худшему из воображаемых мной сценариев.

* * *

Моя мама.

Ее родители – мои бабушка и дедушка – были образован-

ными людьми, однако тяготы войны и блокада сломили их, превратив бабушку в инвалида, а деда в желчного старика, занятого неустанной добычей жалких грошей, что позволили бы его семье жить более-менее достойно. Устав от тирании родителей, моя мать любой ценой стремилась выско-чить замуж. Судя по ее рассказам и моим отрывочным дет-ским воспоминаниям, она никогда не любила моего отца. Он запомнился мне тихим, всегда печальным. Опустив голову, словно провинившийся школьник он слушал упреки матери. А она, как мне тогда казалось, ругала его за все подряд: за то что слишком много выпил перед праздником на работе, за то что курит на лестнице, за то, что совсем не помогает по дому, за то что не вынес мусор, не сходил в магазин, за то что мало получает (он был обычным молодым специалистом и, получая свои сто двадцать, не мог прыгнуть выше головы). В один прекрасный день он исчез. Не знаю, как они расста-лись, я в это время находился у бабушки с дедушкой. Мать долго плакала, скорбя не о том, что супруг ушел от нее, а о себе самой, о том, что «потратила на этого изверга лучшие годы». Бабушка лишь подливала масла в огонь. Она, дескать, всегда говорила, что этот человек не пара ее дочери. А по-том мы поменяли квартиры, съехались, и стали жить вместе с бабушкой и дедушкой, чтобы я находился «под присмот-ром и не рос остолопом».

Поиски прекрасного принца номер два затянулись, а зло-бу на судьбу моя мама порой вымещала на мне. Мне стави-

лись в пример дети всех ее знакомых, которые всегда были лучше, добрее, умнее, симпатичней меня. Да, что говорить. Одно мое имя... Все Артуры, которых я встречал в жизни были или выходцами с Кавказа, чьи имена для русского человека трудно произносимы, а посему заменялись на более привычное нашему слуху. Но моя мама, помешанная на всем «западном», решила, что экзотическое имя поможет мне в продвижении на научном поприще. Не имея не то что высшего, но и среднего образования, она хотела, чтобы я, закончив институт, стал кандидатом, а лучше доктором каких-нибудь технических наук. И мне во время очередного чтения морали постоянно расписывались прелести работы инженера, творца машин, механизмов и приборов.

Но я с детства не любил школу. Выучившись читать в шесть лет, я в первом классе открыл для себя Жюль Верна, и Майн Рида, в третьем классе на смену им пришли Фенимор Купер и Рэй Бредбери. Мама кричала, заставляя меня делать уроки. Я делал вид, что занимаюсь, а сам «погружался в морские пучины» или «вместе с бесстрашными охотниками за растениями штурмовал неприступные вершины».

Когда я вернулся домой посреди ночи весь в грязной, порванной одежде, мне досталось по первое число. Мама, естественно, подняла на ноги всех кого можно. Дед отправился меня искать, бабушка обзвонила все больницы и морги, а мать, взяв у председательницы родительского комитета список учеников, обзвонила всех родителей – вдруг я отправил-

ся к кому-то в гости. Теперь все в моем классе знали, что я потерялся, а соответственно, что я не только двоечник, но и «хулиган, который хочет довести свою мать до могилы».

В ту ночь я выслушал все. Мне даже поставили вину, что я писался в яслях, однако никто не поинтересовался, что со мной в самом деле случилось, и где я был. Точнее эти вопросы задавались, но мать и бабушку не интересовали ответы. Не учли они только одного. В тот вечер после купания в котловане и встречи с таинственным стариком, меня уже ничем нельзя было пробить. К тому же я страшно хотел спать. В самом драматическом месте воспитательной лекции, когда мне вспомнили прегрешения первого класса, я начал клевать носом. Бабушка заметила это и последовал пятнадцатиминутный монолог об моей черствости, бесчувствии и так далее и тому подобное. Кроме того, мне пригрозили всеми карами земными и небесными, по сравнению с которыми девять кругов дантова ада – парк аттракционов. Но мне было все равно. Я хотел спать.

Наконец поняв, что в этот вечер им раскаяния от меня не добиться, мать, вся в слезах, и бабушка, гневно сверкающая очками, отправили меня мыться, после чего продолжили дискуссию но уже без меня, пытаясь выяснить, что превратил меня в «бесчувственного хулигана», «подрастающего бандита», «двоечника», «гадину, стремящуюся свести в гроб свою мать»... (Список может продолжаться до бесконечности.)

Я же, с облегчением вздохнув, отправился в постель.

Дед заглянул ко мне в комнату, покачал головой и погасил свет. Мне кажется, он единственный в тот вечер пожалел меня, хотя вслух так ничего и не сказал.

Однако на этом в тот вечер мои злоключения не закончились.

Пока я сидел на кухне, выслушивая обвинения, мне казалось, что вот-вот, и я усну прямо там, за столом. Но стоило мне сбросить грязную и рваную одежду, принять горячий душ, смыть грязь, сон отступил. Лежа в кровати, в темной комнате, я чувствовал приятную усталость. Мне казалось, что в глаза мне насыпали песок, и я закрыл их. Но сон не шел.

Передо мной вновь вставали события прошедшего дня: Александр с приятелями, странный старик, татуировка... Татуировка! Я совсем о ней забыл. Да и мать с бабушкой не обратили на нее никакого внимания, видимо сочтя грязным пятном. Но я-то знал, что это не пятно грязи. «Интересно, что они скажут, когда увидят ее,» – подумал я и невольно потянулся к запястью.

Татуировка распухла. Я ощутил пальцами другой руки, странное сплетение нитей вздувшейся кожи. Что со мной? Может у меня гангрена? Может, странный старик наградил меня какой-то неизлечимой болезнью?

– *Не бойся*, через неделю все рассосется – прозвучало у

меня в голове. Никакого звука, но я ясно слышал эти слова. Точно так прозвучали слова старика тогда на краю котлована. Сказать, что я чуть не выпрыгнул из кровати от ужаса, значит, ничего не сказать.

Выходит, старик не умер, он нашел меня и здесь. Но тут же пришло осознание того, что «голос» обратившийся ко мне звучал совсем по-другому. Я не мог кричать, не мог позвать на помощь, не мог никому рассказать о странном старике и голосе. Не смотря на малый возраст, я отлично понимал: кроме визита к психиатру и новых репрессий со стороны взрослых, я ничего своим признанием не добьюсь, поэтому мне ничего не оставалось, как, сжавшись забиться в угол кровати и накрыться одеялом, трясаясь от страха.

– Не бойся, – вновь обратился ко мне неизвестный. – Ты не сошел с ума, и можешь меня не бояться. Тот, кого ты называешь стариком, умер, и теперь ты занял его место.

Какое-то время я лежал неподвижно, пытаюсь переварить эту информацию, потом осторожно, едва слышно, спросил:

– Кто ты?

– Я – Тогот.

– Кто? – переспросил я, ничего не понимая.

– Тогот.

– Кто? Кто?

– Ладно, давай по порядку, – проворчал незнакомец. – Первое, что ты должен запомнить: ты должен четко, без всяких там детских капризов выполнять все, что я тебе

скажу...

Вот тут я по-настоящему испугался. Моя мама очень любила рассказывать про чудачества мужа одной из своих сотрудниц, которому некий голос приказывал делать то одно, то другое. Естественно, этот человек был душевнобольным, а раз подобный голос слышу и я, то значит, я тоже спятил. И теперь уж, без сомнения, мне не избежать долгого хождения по врачам. А то меня и вовсе посадят в сумасшедший дом, оденут смирительную рубашку и будут пичкать таблетками, потом дадут инвалидность и я проведу всю жизнь...

– *Ну и каша у тебя в голове, парень...* – эти слова меня отчасти отрезвили. – *Ну почему мне всегда так не везет с партнером! Ну, ладно... Ты слышал о телепатии?*

Я кивнул. Потом поняв, что в темноте мой жест никто не увидит, тихо прошептал:

– Да.

– *И то, хорошо. Так вот, мне, конечно очень жаль, что старик выбрал именно тебя, но теперь нам деваться некуда...* – тут незнакомец глубоко вздохнул. – *Объясняю один раз. Слушай и запоминай. Во-первых, ты не должен меня бояться. Ты получил от старика Дар, и теперь мы с тобой партнеры. Я постоянно буду с тобой на связи, и стану помогать, если с тобой что случится. Понятно?*

– Да.

– *Это не значит, что ты как-то изменился. Ты остался таким же, как есть. Ты...*

И тут я понял, что сбылась наконец моя заветная мечта. Ты мечта, в которой я никогда не осмеливался признаться себе. Я попал в сказку. Я перешагнул грань реального мира и оказался...

– *Не забивай себе голову разной чепухой,* – развеял мои мечты незнакомец. – *Сказок не существует...*

– Тогда скажи мне кто ты такой? – потребовал я.

– *Я – Тогот,* – в третий раз повторил он.

– Нет! Я хочу знать, кто ты есть такой. То есть, ну волшебник ты, джин или...

– *Детский сад,* – пробормотал он. – *Можешь считать меня демоном.*

– Демоном?

– *Да, отвратительным существом, явившимся из другого мира или измерения.*

– Ты это серьезно?

– *Нет, шучу... Конечно, серьезно.*

– А где ты сейчас, находишься? – продолжал выпрашивать я, не слишком-то веря тому, что слышал. Я очень хотел верить.

– *Сижу у тебя под кроватью.*

Вот тут-то я взвился. Я подскочил до потолка. Я заорал. Своим воплем я, наверное, разбудил весь дом.

Тут же появились мама, бабушка и дедушка. Они включили свет. Они не стали спрашивать, что случилось. Вместо сочувствия, впрочем я на него и не рассчитывал, я прослушал

краткую лекцию о плохих детях, которые ведут себя очень плохо, а потом им по ночам снятся кошмары, и заканчивают жизнь они или в тюрьме, или в психушке. А уж о том, что после школы меня ждет не институт, как всех умных, прилежных, хороших детей, а ПТУ и говорить не стоило.

Мог ли я после этого рассказать им, что я только что беседовал с демоном, и что, скорее всего, он сидит у меня под кроватью? Пожалуй, нет.

Однако стоило им уйти, я вновь услышал беззвучный голос.

– *Ну и чего ты добился этой дурковатой выходкой?* – поинтересовался Тогот.

– Я... – голос мой дрожал. – А ты правда демон?

– *В понимании людей – да.*

– А ты меня не съешь?

Тогот фыркнул. Похоже, я сказал что-то очень смешное или очень глупое.

– *Съем... А как же!.. Ты меня не слушаешь, что ли? С кем приходится дело иметь!.. Нет, я тебя не съем. Я же тебе сказал: мы теперь с тобой партнеры. Ты, хочешь ты этого или нет, стал проводником и будешь выполнять роль проводника. Правда, если говорить честно, я понятия не имею, как тебе это удастся.*

Но сейчас меня интересовали вещи более важные, чем то, о чем говорил Тогот.

– Если ты и в самом деле демон, то, значит, и колдовство

существует?

– *Да, существует,* – печально отозвался демон.

– А ты меня научишь каким-нибудь колдовским штучкам?

– *Всему свое время,* – неопределенно ответил Тогот.

– А как ты выглядишь? Я могу тебя увидеть? – не унимался я.

– *Можешь,* – печально ответил демон. Судя по всему этот разговор начинал ему надоедать.

– Покажись, – попросил я. Видимо, подсознательно, я все еще не мог поверить в реальность происходящего. Может, я правда сошел с ума, ведь сумасшедшие никогда не считают себя сумасшедшими. А может, все это мне всего лишь снится. Я сплю и вижу странный сон. – Покажись, – повторил я.

– *Посмотри на подоконник.*

Я повернулся и посмотрел на подоконник, залитый тусклым светом с улицы. Наверное, всему виной были мои предыдущие приключения и соответствующее нервное перенапряжение, но вышло именно так, что впервые увидев Тогота, я потерял сознание и в себя пришел только утром.

* * *

Человек неподготовленный, а тем более ребенок, столкнувшись с Тоготом, может и впрямь спать. Представьте себе толстый, закругляющийся кверху полуметровый ци-

линдр, обтянутый зеленовато-бурой пупырчатой кожей. Нарисуйте точно посреди цилиндра два поставленных вертикально глаза-яйца – два глаза с огромными красными светящимися зрачками. Никакого носа, лишь две маленькие дырочки в пупырчатой коже, а под ними огромный рот, усеянный несколькими рядами тонких как иглы, двадцатисантиметровых зубов. Сбоку к цилиндру-телу прилепились две крошечные руки и две ноги, заканчивающиеся огромными лягушиными перепончатыми лапами с желтыми, потрескавшимися когтями.

Посадите такую тварь на подоконник, залитый призрачным светом ночного города, и, смею вас заверить, зрелище будет незабываемым. Лицам со слабыми нервами инфаркт обеспечен. Да само существование подобной твари перерачивало с ног на голову все, что я за свои десять лет успел узнать об окружающем мире. Весь мой небольшой жизненный опыт смел<О> осознание реальности подобного существа.

К тому же Тогот не просто сидел на окне. Развалившись, он заложил ногу за ногу, и широко улыбался. Его тонкий, по змеиному раздвоенный язык, скользил по бугристой коже щек. Демон словно ожидал подобной реакции с моей стороны и заранее предвкушал, смаковал мой страх.

Утром, проснувшись, я решил, что все события вчерашней ночи – сон. Сказок не бывает!

Было воскресенье и это усугубляло мое положение. Если бы я ушел в школу, то без сомнения избежал бы нравоучительных наставлений, а так меня весь день станут обвинять во всех смертных грехах – в этом я был уверен.

Так все и вышло.

Стоило мне выглянуть из своей комнаты, как бабушка, колдовавшая над плитой, повернулась в мою сторону.

– Выспался?

Я кивнул в ответ и пробурчал сквозь зубы нечто нечленораздельное, – среднее между «с добрым утром» и «угу».

– Шагом марш мыться. Чечевица через пять минут будет готова.

Я ненавидел мыться по утрам, но еще сильнее я ненавидел чечевицу. Все было сделано специально. Раз ты провинился, то уж изволь есть то, что тебе не нравится. Понурившись я прошаркал в ванну. Включив воду, я сунул под теплую струю указательный палец, потом осторожно протер глаза. Для вида обмакнул в воду зубную щетку. Выждав несколько минут, я покинул ванну, и поплелся в свою комнату.

Со вздохом обреченного я сел на край кровати.

– И не забудь прибрать кровать, – донесся из соседней комнаты бабушкин голос. – А то разбаловала тебя мать...

Я вновь произнес нечто нечленораздельное, и тут в голове у меня вновь зазвучал вчерашний голос:

– *Чего нос повесил?*

Я вскочил с кровати и замер посреди комнаты, затравленно озираясь. В один миг передо мной встало вчерашнее видение чудовища на окне.

– Кто здесь? – дрожащим голосом пробормотал я.

– *Я, а кто же еще...* – фыркнул Тогот. – *Так что если ты думаешь, что все закончилось, то ты сильно ошибаешься. Все только начинается,* – он «произнес» это зловещим «голосом», выдержал паузу, словно стараясь придать своим словам большее значение. – *Мы с тобой теперь связаны, мальши. Посмотри на свое запястье...* – Я посмотрел. Переплетение нитей казалось единым кровавым рубцом. И еще... Оно пульсировало. Из вздувшихся нитей загадочного рисунка исходило слабое свечение. – *Чуешь?*

Я чуял. Если мать или бабушка заметят эту штуку, они мне не просто лекцию прочитают, они меня убьют.

– Чую, – с грустью в голосе прошептал я, едва сдерживая уже наворачивающиеся на глаза слезы.

– *Да не реви ты,* – проворчал демон. – *Вот уж не знал, что старик сделает мне такую подлянку, заставит на старости лет цацкаться с сопливым пацаном.*

– Не надо со мной цацкаться, – решительно объявил я. –

Оставь меня в покое.

– Хотел бы, да не могу, – вздохнул демон. – Старик выбрал тебя. Все. Обсуждению не подлежит. Теперь ты волей-неволей стал пешкой в этой игре.

– В какой игре?.. – только и успел спросить я.

– С кем это ты тут разговариваешь? – на пороге моей комнаты подперев руки в боки стояла бабушка. – Все в игрушки играешь? Здоровенный лоб уже. Хватит дурью маяться. Марш жрать, а потом – за уроки. А то скоро мать с дедом из магазина вернутся...

Под неусыпным оком бабушки я застелил кровать, оделся и отправился на кухню, где мне через силу пришлось запихать в себя несколько ложек чечевицы. Потом я залил все это чаем без традиционного бутерброда с вареньем. Когда я заикнулся о сладком, мне ответили, что сладкое еще надо заслужить, и я окончательно уверился, что жизнь – вещь неприятная.

После этого я вернулся к себе в комнату, выудил из портфеля учебники, разложил их на столе, сделав вид, что собираюсь заниматься.

– Тогот, ты еще здесь? – тихо спросил я, в тайне надеясь, что никакого ответа на мой вопрос не последует.

– А как же, – со злорадством ответил демон. – Даже если меня нет поблизости, ты всегда можешь телепатически связаться со мной. И не надо для этого ничего вслух говорить. Попробуй обратиться ко мне ментально.

– Как? – не понял я.

– *Ментально – то есть мысленно. Чему вас там только в школе учат!*

– Я между прочим всего лишь в четвертый класс хожу, – попытался возразить я.

– *Вот и я об этом!* – фыркнул демон. – *А теперь попробуй сосредоточиться и обратиться ко мне ментально.*

Я попробовал. Но сосредоточиться у меня не получилось. В голову постоянно лезли разные странные мысли. Например очень хотелось спросить у Тогота, а не сможет ли он, как демон, выполнить пару желаний. Например, отменить урок английского в понедельник и подарить мне плиточку шоколада и желательнее не сладкую плитку «Привет», а, например, «Аленушку».

Неожиданно передо мной на столе материализовалась плитка шоколада. Я аж подскочил на стуле. На всякий случай я тут же прикрыл ее учебником. Если вдруг в комнату неожиданно войдет бабушка, что она подумает? Все еще не веря собственным глазам, а осторожно заглянул под учебник. Да, шоколадка лежала на месте.

И тут Аленушка, изображенная на обертке мне подмигнула. Я вздрогнул, прикрыв шоколад книжкой.

– *Да не трясись ты так каждый раз,* – вновь зазвучал у меня в голове голос Тогота. – *Получил шоколадку и успокойся. Только помни, это вовсе не значит, что я по первому требованию стану исполнять твои дурацкие желания. Я про-*

сто хочу установить с тобой контакт. Сделать так, чтобы ты не боялся меня, и начал учиться. Помни, у нас очень мало времени, и до того, как тебя призовут в качестве проводника, ты должен многое узнать и запомнить. Ты должен многому научиться. Так что быстренько съешь шоколад, а потом мы с тобой приступим к занятиям. Помни у нас очень мало времени, и оттого как ты станешь учиться, зависит не только твоя жизнь...

– Опять учиться, – тяжело вздохнул я. Как мне все это надоело. Даже демон из сказки заставляет меня учиться...

Глава 3

Дальнейшие события

*Не следует вставать на колени перед
ничтожеством.
Аятолла Хомейни*

Когда «горгульи» разошлись, я увидел, что осталось от тела Генки. Печальное зрелище.

Но рассматривать останки было некогда. Я повернулся к «горгульям». Их было три. Если повезет, то каждой по пуле, и у меня еще останется пуля для той, что с трупами за машиной. Осторожно поводя дулом пистолета из стороны в сторону, я рассматривал странных созданий.

– Опустите оружие, *проводник*. Между нами нет вражды, – голос «горгульи» походил на скрежет перемалываемых камней.

Они ушли. И, как всегда, они унесли тела своих, прихватив заодно и труп Генки. Я пытался поговорить с ними, расспросить, но они призраками растаяли в тумане. Удивительные создания. Смертоносные и удивительные.

Я же остался с кучей трупов и загадок. Однако в первую очередь необходимо было решить самые насущные проблемы. Нужно было избавиться от трупов. Конечно, можно все бросить, положиться на заклятие, раз в месяц-два ходить в

контору, подправляя его, и пусть себе трупы тихо гниют. Но на самом деле это не выход. Во-первых, забеспокоятся родственники погибших, мне так или иначе придется давать объяснения. Колдовством тут не отделаешься. И даже Тогот мне не поможет. Нельзя всех и вся заколдовать. Пупок развяжется.

Но прежде чем пытаться кому-то что-то объяснять, прежде чем искать виновных, нужно убрать тела. Выиграть немного времени, обеспечив себе возможность маневра. А там, гляди, появятся «дамы», и мы быстренько раскрутим это дело.

Когда я изложил все свои соображения Тоготу, тот резонно поинтересовался.

– *Как ты избавишься от тел?*

– *Вызову чистильщика.*

– *А ты подумай,* – в голосе покемона послышались наставительные нотки. – *В заговоре участвовал Геннадий – человек посвященный. А то, что тут какой-то заговор, сомнений нет,* – в этом я был полностью согласен с моим маленьким советником. – *Дальше... Геннадий был вхож в Колдовскую ложу и хорошо знал всех чистильщиков. Может он в сговоре с одним из них? Уж лучше, пусть пока считают тебя мертвым. Ведь по идее они и тебя должны были убить. Только вот что-то у них сорвалось.*

– *Груз «горгульям» не понравился.*

– *Кстати с этим тоже еще предстоит разобраться.*

Что это был за груз? Почему Олег стал действовать в обход тебя? И Озерный монастырь следует навестить.

– Пожалуй, – согласился я. – Только я хотел бы сделать это в сопровождении кого-то из «дам». Сам понимаешь.

– Угу, – угрюмо отозвался Тогот.

– И как нам быть?

Я уже заканчивал рисовать на земле пентаграмму.

– Маяк готов?

– Угу, – похоже на сегодня это «угу» стало любимым словечком Тогота.

Я шагнул в центр колдовской фигуры и в этот раз без всяких приключений оказался в «кладовке» Тогота. Это, конечно, он ее называл «кладовкой», а на самом деле это был простой пространственный карман метров сто в диаметре. Зеленая полянка, покрытая высокой в половину человеческого роста травой. Неприятной буро-красной травой, острой как бритва. В центре полянки был расчищен десятиметровый круг. На песке были начерчены различные мудреные колдовские фигуры, назначения которых я не знал. Тут же башней возвышался огромный телевизор, видик, музыкальный центр – несмотря на почтенный возраст, Тогот старался не отставать от жизни, и ни в чем себе не отказывал. Мой покемон подждал меня на краю травянистых зарослей. Выглядел он точно, как и при первой нашей встрече – зеленая морковка с глазами.

– Я тут подумал, может, стоит в этот раз сменить

тактику, – продолжал Тогот, словно разговор наш не прерывался и никакого пространственного перехода вовсе не было. – *Может, наплевать на правила Ордена и обратиться к кому-нибудь из непосвященных.*

– *Ну, мне-то вообще на присягу плевать. Это вон Генка был членом Ордена, Колдовской ложи и многих удивительных организаций. Меня-то бог миловал. К тому же, если помнишь, я до сих пор остаюсь проводником. Этого-то никто не отменял. А раз так, то плевал я на Орден с высокой колокольни, да и на все их правила, вместе взятые. Я живу по собственным правилам...* – взорвался я, а потом, чуть поостынув, продолжал. – *Правда, есть тут одна загвоздка.*

– *Угу?* – в этот раз «угу» Тогота без сомнения звучало вопросительно.

– *Что будет, если я засвечусь? Если отказаться от колдовства, то придется иметь дело с уголовниками.*

– *Ерунда какая! Да мы их в пять минут приструним.*

Я с сомнением хмыкнул. Что мне всегда не нравилось в Тоготе, так это его непосредственное восприятие реальности. Порой мне казалось, что он искренне верит в то, что стоит отвернуться от проблемы, забыть о ней, и она вскоре сама собой решится, или перестанет существовать.

Тем не менее, совет он дал правильный. Мне ничего не оставалось, как поискать среди блатных кого-то, кто помог бы мне избавиться от тел. Однако прямо сейчас мне больше всего хотелось заняться своими сбитыми в кровь ногами.

Отмахнувшись от Тогота, я с трудом передвигая ноги (только вернувшись домой, я понял, как устал), я прошел по дорожке между зарослями травы. Среди кустов на краю пространственного кармана стоял каменный обелиск. Подойдя к нему я положил руку на соответствующий выступ. Тут же в обелиске открылась дверца и, протиснувшись через нее, я оказался дома, в своей квартире.

Как хорошо, что жена сейчас на даче. Иначе мне пришлось бы отвечать на многочисленные вопросы, пытаюсь объяснить отсутствие кроссовок, окровавленные ноги, и многое другое. Например, почему в моей конторе никто на звонки не отвечает. А начав врать, ты всегда рискуешь где-то ошибиться и что-то перепутать.

Оставляя на белоснежном паркете кровавые следы, я дополз до ванной и, прочитав заклятие против боли, стащил носки. Все оказалось много хуже, чем я предполагал. С трудом промыв раны, я дотащился до ближайшего дивана и вновь обратился за помощью к Тоготу. Естественно, покэмон сначала покапризничал: мол, не его это дело обрабатывать мои «ласты» и протирать полы. Но я его уговорил. Через полчаса на ногах у меня не осталось ни одной раны, только от непривычного напряжения во время воздействия заклятий ныли икры.

Взбодрившись парой рюмочек австралийского виски, я прошел в пространственный карман, где находилась моя лаборатория некроманта. Как-то, заключив договор с *создате-*

лем, я среди прочих условий выторговал себе с десятков пространственных карманов, которые приспособил под разные нужды. В одном я хранил колдовские книги и рукописи, в другом поселил Тогота, чтобы он не дай бог не попался на глаза моей супруге – ее бы на месте инфаркт хватил, в третьем сделал лабораторию черной магии, а в четвертом – белой. А еще у меня были «общежитие», «зверинец», «курорт» и «темница» – все, что положено иметь настоящему средневековому колдуну. Только вот колдуном я не был. Всего лишь *проводником*.

Вечером того первого дня я плодотворно пообщался с душами нескольких мертвецов. Они-то и подсказали мне, как найти Мясника, и уверили, что при соответствующем нажиме он решит мою проблему, даже вопросов особо задавать не будет.

На следующий день я поехал с ним договариваться...

* * *

Я вынырнул из глубин метро и какое-то время стоял, запрокинув голову, уставившись в синее, бездонное небо. Вокруг меня спешили куда-то люди. Мне тоже следовало торопиться, но никакого желания идти на встречу с неизвестностью не было... Мне хотелось перенестись на зеленый луг, за которым журчит в камышах ленивая речушка, упасть в мягкую, налитую соком траву и забыть, забыть обо всем. Забыть

о колдовстве, о своих обязанностях *проводника*, о Тоготе – обо всем.

Время шло, а я стоял и смотрел в небо. На меня уже стали обращать внимание прохожие. Несколько раз меня толкнули, но я не замечал этого.

Наконец поняв, что не стоит больше откладывать неизбежное, я тяжело вздохнул и быстрым шагом направился к рынку – огромному пустырю, огороженному металлической сеткой, где рядами выстроились огромные контейнеры – сотни контейнеров. Открытые с торца, они представляли собой своеобразные магазины. В основном продуктовые. Хотя тут можно было купить и любую дешевую косметику, и хозяйственные товары. Торговля шла бойко. У некоторых лотков даже выстроились очереди по пять-шесть человек. Оптовый рынок.

Увернувшись от лохотронщика, который с победным криком: «Вы выиграли!» попытался всучить мне какую-то бумажку, я проскочил в самую гущу сутолоки. На минутку остановился купить баночку «Абсента». Алкогольный коктейль, естественно, никакого отношения к настоящему «Абсенту» не имел, но обладал приятным вкусом, не был прилично сладким, и, на мой взгляд, великолепно утолял жажду. А при мысли о предстоящей беседе во рту у меня пересохло.

Наконец, набравшись мужества, я вышел в самую дальнюю от метро часть рынка. Здесь народу оказалось значительно меньше. Стараясь особо не привлекать внимание, я

проскользнул к мясной лавке, над прилавком которой красовалось стилизованное изображение свиньи. Под ним стояла подпись «Мясо – СПб». Внизу на прилавке лежали бурые куски плоти, засиженные мухами. Какая-то бабушка покупала фарш и спорила с продавцом в грязном белом халате. Я вздохнул, судьба подарила мне еще пару секунд, а дальше придется рискнуть, сильно рискнуть. Инстинктивно я запустил руку в карман куртки и нащупал рукоятку верного «вальтера».

Старушка, получив сдачу, отошла от прилавка, и я, шагнув вперед, внимательно взглянул в лицо продавца кавказской национальности.

– Чэто жэлаэтэ? – улыбнулся он мне – под густой щетиной черных усов блеснул ряд золотых зубов.

– Мне нужен Мясник, – объявил я.

– Зачэм? – в лице продавца появилась настороженность.

– А вот это не твое собакино дело, – я резко выбросил вперед правую руку, указательный и средний палец, направленные Тоготом, точно вошли в ноздрины кавказца, а потом я резко согнул пальцы и дернул на себя, приложив продавца подбородком о витрину. – Мне что, придется второй раз повторять?

– Нэт, – простонал он изо всех сил упираясь обеими руками в прилавок, чтобы не рухнуть всем весом на треснувшее стекло.

– Вот и хорошо, вот и умница, – продолжал я. – Сейчас

я отпущу твою носопыру, и ты отведешь меня к Мяснику, а если вздумаешь еще шутки шутить... – тут я выдержал многозначительную паузу. По моему разумению он должен был подумать, что я достаточно крутой.

– Харашо, – еле сдерживаясь, выдавил он.

Я убрал руку. Кавказец распрямился и на несколько секунд застыл, потирая нос, и сверля меня недобрым взглядом. Потом резким движением он откинул часть прилавка в сторону и отступил, дав знак, чтобы я проходил. Обливаясь холодным потом, я шагнул вглубь контейнера.

Закрыв прилавок продавец провел меня вглубь металлического ящика. В дальнем конце за оборванной тряпичной занавеской сидел охранник – копия продавца, тот же взгляд, те же зубы, те же усы. Когда я оказался рядом он протянул руку, ладонью вверх и мне ничего не оставалось, как отдать «вальтер».

– Большэ ничо нэт? – поинтересовался он.

Я покачал головой.

– Смотри, нэ обманывай, Шэф шуток нэ любит, – грозно объявил он, а потом глумливо добавил. – Порэжэт на шашлык.

– Можешь обыскать, – кроме пистолета у меня с собой оружия не было.

– Нэт, Мясник людям вэрит.

Это замечание меня подбодрило.

Повинуясь жесту охранника я прошел дальше и оказался

перед металлической дверью, ведущей в следующий контейнер, который, судя по всему был придвинут торцом к тому, где располагалась мясная лавка. Ни секунды не медля я резко открыл дверь и шагнул через порог.

По идее тут должен был располагаться склад товара. Но его тут и в помине не было. Большое полупустое помещение освещала лампочка-переноска, свисавшая с потолка на голом шнуре. Посреди контейнера стоял небольшой круглый стол и за ним покуривая и перекидываясь в карты сидело трое. За ними в дальнем темном углу возвышалась огромная колода с воткнутым в нее топором и несколько механизмов для всевозможной переработки мяса.

Когда я вошел, троица оторвалась от игры и уставилась на меня.

– Мне нужен Мясник, – твердым голосом объявил я.

Высокий лысый старик, с лошадиным лицом, сидевший прямо напротив входа, кивнул. Другие двое встали. Выглядели они бандитами из дешевого телесериала: огромные, темные, небритые в спортивных костюмах.

– Я хотел бы поговорить наедине, – продолжал я.

– Понимаю, – кивнул старик. В его голосе совершенно не чувствовалось акцента.

Когда дверь за «спортсменами» захлопнулась, я прошел к столу и сел напротив старика. Спиной к двери. Я знал, что это неправильно, но Тогот обещал приглядеть за мной. А люди с которыми мне сейчас волей-неволей приходилось иметь

дело, о нем не знали. Они даже не подозревали о колдовстве.

– Итак, чем я могу вам служить, молодой человек, – начал старик.

Свет лампочки лишь частично рассеивал тьму внутри металлической коробки, но я хорошо видел лицо своего собеседника. Он выглядел точно так, как мне его описали. Встреть я его на улице, ни за что не признал бы в нем ни армянина, ни бандита. Обычный работяга, бывший токарь или слесарь, ныне пенсионер.

– Итак, говорите, молодой человек, у меня мало времени, – продолжал Мясник, сверля меня недобрим взглядом из-под кустистых бровей.

– Мне порекомендовали к вам обратиться, – начал лепетать я, но тут же взяв себя в руки продолжал обычным голосом. – Мне нужен *чистильщик*.

– *Чистильщик*, – усмехнулся старик. – Фильмов насмотрелись молодой человек. Тут у нас оптовый мясной магазин...

– Вот мне и надо вывести мясо, прибраться, – выпалил я.

– Вы что-то не поняли. Мы тут торгуем мясными продуктами, оптом торгуем... – старик выдержал паузу. Он сверлил меня взглядом, словно пытаюсь заглянуть под одежду, выяснить есть ли у меня с собой диктофон. – Кто вам меня порекомендовал?

– Какая разница, – отмахнулся я. – Порекомендовали.

– Непонятливый вы какой-то, – все тем же слащавым то-

ном продолжал старик. – Вы ведь можете и не выйти отсюда.

И тут на моей шее захлестнули удавку. Не знаю, откуда взялся у меня за спиной убийца. Я не слышал ни шороха шагов, ни скрипа металлической двери, но раз – и стальная струна затянулась на моем горле. Единственное, чего Мясник не учел, так это *заклятия неуязвимости*. Глупое такое, детское заклятие. Обычно им никто никогда не пользуется, потому что даже от самого простого колдовства оно не спасет. Растает как дым и все. Даже таких примитивных вещей как серебряные пули и святая вода оно боится. Но зато от удара ножом в спину или от стальной удавки убережет.

Пока громила у меня за спиной пыхтел, пытаюсь затянуть на моей шее стальную струну, я сделал незаметный пас рукой, запер дверь, изолировав нас от внешнего мира. Теперь все, что будет происходить внутри контейнера останется между нами. Снаружи никто ничего не увидит, не услышит, не сможет придти Мяснику на помощь.

Потом, я сделал так, что свет лампочки сменился и из желтого, стал красным, залив помещение кровавыми тенями. Не обращая внимания на молодчика, все еще топтавшегося у меня за спиной, я подвинулся поближе к столу, и только тут заметил, что Мясник, во все глаза уставился на мою шею. Дело в том, что струна, не смотря на все усилия убийцы, не впивалась в кожу. Со стороны могло показаться, что моя кожа сделана из бронированной стали. Елозя по шее удавка даже не могла меня поцарапать.

Неожиданно Мясник загнанно всхрипнул.

Я еще немного подался вперед, подтащив за собой убийцу, выудил сигарету из пачки оставленной на столе кем-то из молодчиков. Обычно я не курю, но спектакль, который я задумал, предполагал некую демонстрацию силы. Щелкнув пальцами, я запалил большой палец правой руки и прикурил от него, а потом задул пламя.

Пауза затягивалась. Неожиданно Мясник махнул рукой и удавка с моего горла исчезла.

Мясник прокашлялся.

– Да, тебя голыми руками не возьмешь! И все таки, фокусник, кто тебе рассказал обо мне?

– А у вас принято встречать гостя удавкой? – в ответ поинтересовался я.

– Да, если от этого гостя ментом поганым воняет, – прошипел старик.

– Ну, на мой счет можете не сомневаться... – начал было я.

– А у тебя, что, на лбу написано, что ты не мент? – зло огрызнулся старик.

– Нет, – согласился я. – Но так как убить вам меня не удалось, я все же хотел бы предложить вам кое-какую работу.

– Ты че, не понял, – казалось Мясник находится на грани истерики, и вот-вот сорвется, бросится на меня, словно загнанный в угол зверь. – Вали отсюда, пока цел, сяв... – но он не договорил. Настала моя очередь. Я затянул невидимую

удавку у него на горле. Вот ты и попался, Мясник.

Не понимая в чем дело, старик схватился за шею, пытаясь нащупать то, что душит его, но, естественно ничего найти не смог. Конечно, этот миг я отлично понимал, что наживаю себе еще одного врага, но... но отступать мне было некуда. Я сдавил чуть сильнее. Глаза старика стали вылезать из орбит, лицо, в красном свете лампы стало малиновым. Он захрипел. Тогда я чуть ослабил хватку заклятия.

– Ну вот, мы и квиты, – спокойно продолжал я. – Теперь попроси своего пеликана отойти подальше, не маячить у меня за спиной.

Старик прохрипел что-то на неизвестном мне языке.

– *Отошел?* – мысленно спросил я Тогота.

– *Да,* – ответил покемон. – *Стоит в двух шагах с пистолетом наготове.*

– *Надеюсь, пули у него не серебряные?*

– *Самые обычные,* – ответил мой демон-хранитель.

– *Тогда продолжим,* – и я вновь переключил свое внимание на Мясника. – Как вы видите, я человек по-своему опасный. И все же, – щелчок пальцев и невидимая удавка исчезла, – я хотел бы не воевать с вами, а предложить вам выполнить для меня одну работу.

– Прикончить вы сами кого угодно сможете, – пробормотал Мясник, растирая шею.

– Ну что вы, – все тем же вежливо-высокомерным тоном продолжал я. – Мне нужно от вас совсем другое. Я же сказал,

что ищу *чистильщика*.

Старик вновь внимательно посмотрел на меня. Его взгляд буквально буравил меня.

– Есть несколько трупов, и я хотел бы, чтобы вы прибрали тела.

Мясник молчал.

– Согласны?

– Сколько? Где? Почему? – выдавил Мясник.

– Вот это уже разговор делового человека, – улыбнулся я. – Вот адрес, – я протянул старику бумажку. – Это офис. Там только тела, никого живого. Вывезите этим вечером. Прежде чем войти начертите на двери такой знак.

Старик удивленно поднял брови.

– Зачем?

– И учтите, работы там много, – продолжал я, сделав вид, что не расслышал его вопроса.

– Сколько трупов? – прохрипел старик – видимо он еще не пришел в себя после действия моего заклятия.

– Десять.

– Сколько? – глаза у него полезли на лоб.

– Там десять тел, и некоторые из них изувечены, – спокойным голосом продолжал я. – Вот деньги. Я вынул из внутреннего кармана куртки толстую пачку зеленых. Все по вашей обычной таксе: тысяча за тело, хотя для оптового заказчика вы могли бы сделать скидку, – тут я вновь мысленно попросил Тогота мне помочь, и лицо мое растянулось в столь зло-

вещей улыбке, что старик побледнел и разом сник. – Кроме того, за городом, – тут я вновь полез в карман куртки, достал карту, развернул и сунул ее в нос старику, ткнув в маленький красный крестик, – еще парочка обгорелых трупов. В общем, сделайте все, как надо. Да, вот еще деньги. По тысяче двести за пригородный выезд.

Положив деньги поверх карты, я встал.

– Надеюсь, вы все сделаете правильно, и мне не придется вновь заходить к вам.

На какое-то мгновение я снова захлестнул колдовскую удавку на шее старика, но тут же убрал ее. Мясник должен помнить: он под контролем, в любой момент я могу затянуть узел. Я повернулся и не спеша прошел мимо оторопевшего головореза, громко хлопнув металлической дверью, разделяющей контейнеры.

* * *

На обратном пути меня ждала засада.

Мой дом, впрочем, как и другие многоквартирные строения брежневских времен, обладал повышенно уродливой конструкцией и планировкой. Это сейчас стали строить новые дома с учетом потребностей граждан, а тогда... Хотя каждый и так знает.

Сама парадная некогда была застекленной, но нижние два метра из пятиметрового стеклянного покрытия давным-дав-

но заколотили досками – ни у одной жилконторы не хватит денег еженедельно менять выбитые стекла. Из-за этого в огромной квадратной зале холла, выкрашенной каким-то умельцем в бурые тона, царил полумрак. Тускло отсвечивали искореженные металлические почтовые ящики. Где-то впереди неясной тенью маячила лестница, ведущая к лифту. Вот такая чудная парадная. Естественно, ни одна лампочка не горела.

От Мясника я возвращался довольный собой. Никогда бы не поверил, что у меня все так лихо получится.

Однако когда я оказался посреди темного холла, собственной парадной, голос Тогота отрезвил меня.

– *Стой!* – я замер с поднятой ногой. У меня уже давно выработался условный рефлекс: если мой покемон обращается ко мне таким тоном, да еще в повелительном наклонении, то лучше всего поступить так, как он просит. Иначе себе дороже будет. – *Медленно поставь ногу, и оглядись. Похоже, это – засада.*

Тогот как всегда был прав.

Двое гостей возникли у меня за спиной, другая парочка преградила мне путь. Разглядеть я их толком не мог, но это были определенно люди. Только вот кто их послал? Мясник? Вряд ли. Он не успел бы вычислить кто я такой, чтобы послать людей. Значит это приятели моего неведомого «доброжелателя», или «доброжелателей», друзей Геночки.

– Эй... – начал было я взмахнув рукой.

– *Не дури,* – остановил меня Тогот. – *Они настроены серьезно.*

Тогда я потянулся за «вальтером». Рука нащупала рифленную рукоять... И вновь покемон остановил меня.

– *Прекрати. Начнешь палить, все сбегутся. Лучшие расслабься... Я сам все за тебя сделаю.*

А вот этого я не хотел больше всего. Не люблю я это. Хотя Тогот был прав, ничего больше делать мне не оставалось. Не устраивать же кровавую баню в собственной парадной.

Запрокинув голову, я постарался максимально расслабиться. Тут же болью свело запястья. А потом тело стало и вовсе не моим. То есть я по-прежнему чувствовал руки и ноги, только не мог ими двигать. Телом моим полностью завладел Тогот. Единственное, что я успел сделать, так это пробормотать *заклятие неуязвимости*. И тут велосипедная цепь со всего размаха обрушилась мне на правое плечо.

Заклятие сработало. Боли я не почувствовал. Я даже не покачнулся. Похоже, противник мой этого не ожидал. Но еще большей неожиданностью оказалось то, что произошло дальше. Тогот заставил меня сделать шпагат. Вот тут-то я по настоящему завопил от боли, но покемон не обратил на мои страдания никакого внимания. Я даже не мог схватиться за больное место. Мое тело стало мне неподвластно. Им управлял Тогот.

Чей-то нож рассек воздух в том месте, где только что находилось моя голова. Конечно, закливание спасло бы меня, но

только не в том случае, если в метал клинка подмешано серебро. Один раз в тот день я уже рискнул, и второй раз играть в русскую рулетку у меня не было никакого желания. Видимо, Тогот мои опасения разделял.

Дальше все происходило как в третьесортном гонконгском фильме. Опершись руками об пол, я крутанул «мельницу», сбив с ног одного из нападавших. Отлетев назад, он с приглушенным звуком треснулся головой о развороченный почтовый ящик. Больше он в драке не участвовал. Не прекращая движения, я резко выбросил ноги вверх, и мои кроссовки врезались под подбородок тому, что был с ножом. Нож полетел в одну сторону, нападавший в другую. Мускулы икр с непривычки свело от жуткой боли, но Тогот пощады не знал. Больно мне, не больно, а тело по его приказам продолжало выделять акробатические этюды.

Перекувырнувшись, я нанес прямой в челюсть ближайшему из оставшейся парочки, а потом, подпрыгнув, врезал локтем по черепу другому. Сверху вниз врезал. Страшный, надо сказать удар. Сколько смотрел фильмов с восточными единоборствами, никогда ничего похожего не видел. Но у Тогота этот удар – коронный. Кроме того, соскальзывая вниз, ты цепляешь противника под коленку, и в дополнение к тяжелой контузии, он со всего маху падает на спину, треснувшись головой об пол. Вот такой приемчик.

После этих физических упражнений, а надо сказать все происходящее заняло не более десяти секунд, Тогот отпу-

стил меня, и я едва удержался на ногах, всем весом навалившись на перила. Боль была страшной. В какой-то миг мне даже показалось, что это не я только что уложил четырех лбов, а – наоборот. Все-таки интересно, кому из нас больше досталось.

– *Как мы их!* – весело прощепетал Тогот.

– Как ты меня... – со злобой пробормотал я ему в ответ.

– *Ладно, не сердись,* – примирительно проговорил покемон. – *Сам виноват. Разжирел. Я все время пытаюсь тебя заставить заняться каким-нибудь спортом. А ты: пиво и футбол по телевизору.*

Обидно, но тут он был прав.

– *Советую поспешить,* – продолжал неугомонный Тогот. – *А то ребята сейчас в себя придут, и придется все повторять.*

– Неужели нет никакого заклятия, чтобы с ними разобратся? – проворчал я.

– *Тебе нужно было размяться.*

– Гнида ты! – фыркнул я. – Сейчас поднимусь наверх и повыдергиваю твои зеленые лапы... – Неожиданно осознав, что вслух отвечаю на ментальные послания Тогота, я замолчал. Видно происходящее и впрямь сильно меня потрясло, раз я позволил себе такую ошибку. Для окружающих подобный разговор – первый шаг к шизофрении. А мне в руки психиатров попадать нельзя. Атеистически настроенное общество не прощает тех, кто подвергает сомнению устои его

существования.

– *Поторопись, поторопись*, – продолжал неумный покемон. – *Да прихвати одного из них с собой, в «пыточную», может, узнаешь что интересное.*

Превозмогая боль, я наклонился над ближайшей постанывающей на полу тенью и прошептал заклятие *неразрывных уз*. Теперь руки молодчика оказались стянуты за спиной колдовской нитью. После этого я помог ему подняться и, не говоря ни слова, пинками погнал его в сторону лифтов. Тот был прав, надо было поспешить, пока приятели этого парня не пришли в себя.

Мне повезло, лифт оказался свободен, никто не попался мне на пути. Ведь в случае чего мне было бы довольно сложно объяснить, куда я тащу связанного (пусть даже веревки и не видно) парня с огромным фингалом на правой скуле. Тем более, что сам парень вовсе не желает путешествовать в моей компании.

Только в лифте, при свете тусклой лампочки, я сумел хоть немного рассмотреть своего пленника. Одет он был обычно: джинсы, рубашка хаки с коротким рукавом. Крепкого сложения, он пожалуй на целую голову был выше меня. На вид лет тридцать. Лицо простецкое, грубое, нос картошкой, прическа ежиком. В какой-то миг поняв, что много сильнее, он попытался было навалиться на меня, но очередное заклятие образумило его. Он не понимал, каким образом я причиняю ему боль, но явно не хотел повторения. На всякий случай,

чтобы окончательно сломить противника, я нахмурился, постарался изобразить «зверское лицо», и прошептал:

– Послушай, если ты не будешь сопротивляться, то у тебя еще есть небольшой шанс выбраться живым.

Но, видимо, я плохой актер. По крайней мере, на лице молодчика – округлой, бритой курносой хारे с вывороченными, как у негра, губами, не отразилось никаких чувств. То ли я прошептал свою угрозу слишком тихо, то ли выглядел слишком миролюбиво.

Он снисходительно улыбался, пока я дрожащими руками открывал и закрывал за нами стальные двери моей квартиры, он улыбался, пока я чуть ли не волоком тащил его по коридору, но когда мы нырнули в пространственный карман, который я в свое время приспособил под пыточную, он перестал улыбаться, а когда я ловким движением пристегнул его к дыбе, он струхнул по-настоящему... Теперь он напоминал огромного кролика, которого по осени собираются пустить на рагу.

– Ну вот и все, – с облегчением выдохнул я. – Теперь мы сможем поболтать в милой компании.

Вот тогда-то молодчик действительно испугался. А испугался он потому, что впервые в своей жизни увидел живого демона – Тогота.

* * *

!!!!Спустя полгода многие события кажутся мне размытыми, словно привидившимися в плохом сне. Быть может, именно поэтому я решил изложить все на бумаге. Восстановить, так сказать, последовательность событий. Но ведь вот в чем сложность. Многое теперь кажется мне не столь уж важным, зато на первый взгляд второстепенные происшествия неожиданно приобретают особую значимость. Порой я ловлю себя на том, что никак не могу сосредоточиться на повествовании. Мои мысли скачут от одного события к другому, иногда возвращаясь в далекое прошлое, в детство, превращая стройную цепь событий в коктейль, где последовательность событий и их реальная значимость становятся несущественны.!!!!!!!!!!!!!!!

Например, я отлично помню, что никак не мог смириться с мыслью, что Олега больше нет. Я никогда не испытывал к нему особых чувств, мы были скорее приятелями, чем друзьями. Но его гибель и гибель всех остальных... К тому же я не мог ни с кем поделиться своими мыслями. Даже с женой. С ней в первую очередь. В те, первые дни краха, мне повезло, что она была на даче. И дело не в том, что я боялся, что она не поверит мне или вызовет санитаров с Пряжки. В принципе, я ведь мог многое показать ей, мог... но не хотел. Не хотел по многим причинам.

Ну, вот опять, я сбился, забегаю вперед. На первое место выступает моя супруга. Ее голос в телефонной трубке:

– Артур, все в порядке?

– Все в порядке, милая, – сквозь зубы отвечаю я, пытаюсь растереть сведенные судорогой мускулы.

– Что-то мне в твоём голосе не нравится.

– Хватит дурить, – отвечаю я.

– Может, я приеду?

– Я сам собирался к тебе в пятницу, – бормочу я. – Ты же хотела, чтобы я...

– Чувствую, ты там веселишься?

– Ну, как ты можешь... С чего? Тут работы невпроворот, бумаги разные.

– Так ты и выходные будешь занят?

– Я же сказал, в пятницу приеду...

И так далее, и в том же духе. Разговоры между делом, разговоры ни о чем, в то время как у меня в офисе лежат трупы, рядом со мной, на дыбе извивается молодец, а демон калит в очаге прутья для пыток. И ее голос, совершенно спокойный, равнодушный.

Безумие!

Где здесь сон, где явь?

И вот тогда, чтобы вернуться к повествованию, я подхожу к окну, прижимаюсь лбом к ледяному стеклу, и слежу, как зачарованный за тем, как огромные снежинки, медленно вальсируя скользят к белой, по зимнему мертвой земле. А

потом я возвращаюсь к столу. На какое-то мгновение взгляд мой останавливается на четырех дамах, вынутых из колоды, а потом я через силу беру карандаш и продолжаю вспоминать весенние события. Записываю и вспоминаю подробности, которые пытаются ускользнуть, раствориться в водовороте событий.!!!!

* * *

Тогот действовал как обычно: сел напротив парня и начал увлеченно ковыряться в зубах. При этом верхняя часть его голово-груди, или как она там правильно у демонов называется, откидывалась назад, градусов на сорок пять. Чтобы не выпускать при этом из поля зрения свою потенциальную жертву, Тогот закатывал зрачки. В общем, человеку неподготовленному лучше этого не видеть.

Тем временем я подошел к пленному и начал выворачивать ему карманы. Трофеи оказались более чем скудными: грязный носовой платок, три жетона на метро, перочинный нож из самых дешевых, бумажник. Последний заинтересовал меня более всего. Однако и тут меня ждало разочарование. Кроме мятых трех сотен, фотографии какой-то девушки (судя по фото, родственницы или возлюбленной племенного героя, – на фотомодель она явно не тянула) и пластиковой дисконтной карты сети магазинов «Техношок», в бумажнике ничего не оказалось. Ничего, что могло бы пролить

свет на имя моего героя. А для того, чтобы вытянуть из него всю правду, мне в первую очередь необходимо было узнать его имя.

Естественно, вначале я попробовал самый простой способ.

– Как тебя зовут? – поинтересовался я.

Но молодец только что-то невнятно пробубнил. Судя по выпученным глазам, взгляд которых неотрывно следил за Тоготом, и по струйке слюны, стекающей из уголка рта демона, с запугиванием мы явно переборщили. Конечно, можно было бы подождать, дать пленнику прийти в себя, но я торопился. Адреналин, все еще циркулирующий в моей крови, подталкивал меня, не давая остановиться.

Я обвел взглядом многочисленные орудия пыток, собранные по настоянию Тогота. Конечно, я мог бы с легкостью применить любое из этих устройств, но, во-первых, я не склонен к садизму, во-вторых, я предпочитаю более цивилизованные способы общения. Поэтому, отправив покемона раскалить прутья для допроса, я вернулся к дисконтной карте, на обратной стороне которой были выбиты телефонные номера магазинов. Мне ответил милый голос:

– Магазин «Техношок» слушает.

– Я хотел бы выяснить условия действия дисконтной карты...

– Переключаю, – не дала договорить мне собеседница.

Дальше я прослушал фрагменты Лебединого озера, вос-

произведенные электронным синтезатором, а потом голос дамы в летах уверенно объявил:

– Кассир Андреева, – вот тут кассир допустила первую ошибку.

– Я хотел бы узнать имя владельца дисконтной карты... – и я назвал интересующий меня номер.

На несколько секунд на другом конце провода воцарилось молчание.

– Знаете ли, мы таких справок не даем, – тут кассир выдержала паузу, и это стало второй ее ошибкой.

Конечно, фамилия, это не имя. Любое заклятие с фамилией действует в два-три раза хуже, чем если использовать имя человека, но все же оно работает. Если бы кассирша не назвала свою фамилию, я не смог бы сотворить заклятие, если бы она сразу повесила трубку, она не услышала бы его, но, совершив две ошибки, вынуждена была залезть в базу данных. Я узнал, что владелец карты, Купавин Виктор Федорович, недавно купил холодильник в магазине на Гражданском проспекте.

Мне ничего не оставалось, как вежливо поблагодарить отзвучившего кассира.

Теперь необходимо было выяснить, принадлежит ли карта моему пленнику. Это было проще простого. Небольшое заклятие, и тело несчастного выгнулось на дыбе. Все правильно, передо мной был Купавин Виктор Федорович, собственной персоной.

Еще одно заклятие, и теперь Виктору Федоровичу придется говорить правду, правду и только правду. И не нужно никаких зверских пыток, никаких устройств средневековой инквизиции.

Склонившись над пленником, я легонько похлопал его по щекам, чтобы он немного отвлекся от созерцания Тоготовых прелестей, и задал ему первый из множества накопившихся у меня вопросов.

– Кто тебя послал? – зловещим шепотом спросил я.

– *Акулы мирового империализма*, – тут же в тон мне ответил Тогот. Слава богу, что слышал его только я. Слишком уж неподходящий момент был для дурацких шуток.

– *Ты бы не лез, гад*, – ментально ответил я. – *После твоих акробатических трюков у меня до сих пор зуб на зуб не попадает.*

Покемон лишь хохотнул в ответ.

– Кто тебя послал? – вновь повторил я.

– Колян сказал, надо одного лоха проучить, – с трудом пробормотал Виктор. Видно было, что не хочет он говорить, но не может ни солгать мне, ни промолчать. – Мы должны были еще вчера тебя отметелить, только вот не пошли. Не смогли. Вчера с утра должны были. – повторил он.

– И что же вам помешало?

– Да менты на Шкиперском рынке шмон учинили. Пришлось поучаствовать.

– А вы то тут при чем? Из ментов что ли?

– Да нет, мы – кронштадтские, просто товара у нас на шкиперке полно зарыто. Ну пришлось всей кодлой туда ехать. Пока ментов развели, пока бабки дали...

– Значит должны вы были меня вчера поутру отметить?

– Точно.

– Часов в восемь Колян сбор назначал.

«Странно, – подумал я. – Выходит, кто-то не хотел, чтобы я вчера отправился на работу. Кто-то не хотел, чтобы я нашел безголового Олега и отправился вдогонку за таинственным грузом. Чем дальше в лес, тем толще партизаны».

– А что ты об этом думаешь? – поинтересовался я у Тогота.

– Спроси, с кем этот Колян последнее время общался. Может, этот недотепа кого-то видел?

– Скажи, – вновь обратился я к пленному, – а кто на меня Коляна навел? – Честно говоря, задавая этот вопрос, я не надеялся получить вразумительный ответ. Скорее всего этот парень и в самом деле не знал, кто наниматель. Нужно было искать этого самого Коляна. Однако ответ, который прозвучал, поразил меня до глубины души.

– Да заходит к нему какой-то парень в френче – полный пидор...

Тут я задохнулся.

Я знал только одного человека, который носил френч. И это был мой компаньон, – Олег. В какой-то миг мне показалось, что кусочки головоломки встают на свои места. Олег

договорился о «левом» грузе, послал ребят, чтобы те остановили меня. Не дали до конторы добраться... Ну а дальше картина, начавшая было прорисовываться, вновь рассыпалась, словно карточный домик. Если Олег хотел вывести меня из игры, то при чем тут Генка, при чем «горгульи»? Пусть Олега прикончил Генка, точнее эти твари по приказу Генки. И судя по словам Генки, он не знал, что меня в офисе не будет. Ага! Олегу сунули приманку. Приманку на меня. Он на нее клюнул, решив не делиться, и поплатился за это. Хороший товарищ, нечего сказать!

– ...Он денег предложил и сказал, что с утра надо одного лоха отметить, – продолжал пленник. – Фотку дал, адрес сказал. Только он не говорил, что ты карате владеешь. Колян, будь не дурак, денег сразу попросил, тот дятел и расплатился. А потом вместо того, чтобы с тобой разобраться, мы на рынок укатали. Ну, а так как деньги заплачены, то мы решили сегодня отработать. Какая разница?.. – он еще что-то говорил и говорил, – словесный понос, да и только, но я уже не слушал. Я узнал, все, что хотел.

– *Значит, думаешь, Олег?* – поинтересовался покемон.

– *А может, кто под него дурканул?* – возразил я. Очень не хочется верить в то, что приятель (в свете новых обстоятельств назвать Олега другом у меня язык не поворачивался) с которым общаешься больше двадцати лет, может нанять каких-то шкетов, чтобы меня избить.

– *Кто? Слишком сложно получается, слишком запутан-*

но, – да, Тоготу всегда хотелось простоты, особенно, раз дело повернулось таким образом.

– Значит, Олег не хотел, чтобы я узнал об этом грузе, – продолжал мысленно рассуждать я. – Он хотел убрать меня с дороги...

– И поступил глупо, послав к тебе этих недоумков, – встрял покемон.

– Отстань, – отмахнулся я от него. – Но как вообще Олег мог сам открыть врата? При чем здесь Озерный монастырь? Почему за грузом охотились «горгульи»?

– Ну, последний вопрос самый простой. Геннадий ведь признался, что сам нанял их, да и горгульи не отрицали этого. Олег твой был изрядным свистком. Мог кому-то рассказать, что пойдет ценный груз, вот Геннадий и нанял тварей, чтобы груз отобрать, да и вам насолить.

– Что-то тут не сходится, Тогот, – тяжело вздохнул я. – Не сходится. Если он хотел нам, то есть мне насолить, то зачем ему было в офисе кровавую бойню устраивать. Зачем он Олега прикончил? Они ведь все-таки приятелями были. Это со мной Генка враждовал...

Потом мое внимание вновь вернулось к пленнику.

– А что нам теперь с этим орлом делать?

– Выгнать взащей.

– Иногда, я тебе, Тогот, удивляюсь. А что, если он снова придет сюда со своими приятелями, и в следующий раз у них будут не ножи, а стволы?.

Тогот ничего не ответил. Он молча встал подошел к пленному, навис над ним и прошептал, вслух прошептал:

– Ссейчасс я тебе ссломаю руки, но ессли ты ещще раз окажешшся поблизоссти... – он не договорил. Его раздвоенный змеиный язык плотоядно скользнул по рядам острых как иглы зубов.

Я видел как затрясся от страха несчастный парень, видел как по его лбу покатались капли холодного пота.

– *Надеюсь, я достаточно напугал его,* – уже ментально продолжал Тогот. А потом, вытянув зеленые тонкие лапы, он сломал несчастному оба предплечья, словно вместо костей у того были тонкие сухие ветки, а после этого он стал методично ломать пленнику один палец за другим.

– *Прекрати!* – попытался остановить я покемона.

Тот на мгновение отвлекся от занятия, которое, судя по всему, доставляло ему истинное удовольствие.

– *Ты боялся, что он или кто-то из его приятелей вернется?* – с ехидством поинтересовался Тогот. – *Так вот теперь никто из них никогда сюда вновь не придет, и даже детям закажут тебя искать. А кости... Я ломаю их осторожно, никаких кольчатых переломов, быстро срастутся. Правда, парню придется пострадать,* – и покемон вновь принялся за дело. – *Ты лучше представь, что с ним стало бы, попадись он в руки одной из твоих «дам».*

Порой с Тоготом не поспоришь.

Единственное, чем я мог помочь несчастному, так это

произнести обезболивающее заклятие. Потом я с трудом заставил его встать на ноги и выволок на лестничную площадку. Мне пришлось даже спуститься с ним вниз и вытолкать из парадной на улицу. Естественно, к тому времени его дружков уже и след простыл.

Глава 4

Первый караван

Если они обратились, и выполнили молитву, и давали очищение, то освободите им дорогу.
А. Нидаль

Вспоминая детство, и переосмысливая многие события того времени с точки зрения взрослого человека, я понимаю, сколько сделал для меня Тогот. Ведь дар *проводника* попал ко мне, когда я занимал самую низшую ступень социальной лестницы, был ребенком, фактически рабом семьи, которая в свою очередь являлась частью структуры тоталитарного общества, начисто отрицавшего колдовство и проповедующего материалистическую идеологию.!!!!!!!

И вот под кроватью у меня поселился демон (иногда я называл его – деспот), а вместо дополнительных задач по математике, я стал учиться рисовать пентаграммы, чертить колдовские знаки, я заучивал простейшие заклятия, но самым камнем преткновения в те первые дни стало умение расслабиться. Мало того, что мне нужно было произнести бессмысленную абракадабру, не перепутав ни единой буквы. (В конце-концов, Тогот мог ментально по буквам диктовать заклятие, а я так же по буквам медленно произносил его. Так, кстати, мы и делали первых пять-шесть лет, пока

я не привык с легкостью произносить всякие там «кrr-дых'кrr-дых ртнклых»), но при этом необходимо было максимально расслабиться, чтобы заклятие смогло придать потоку энергии нужное направление. Но с расслаблением у меня возникли настоящие проблемы. Как и любой ребенок, я мог полностью расслабиться только во сне, но во сне я не мог произносить необходимых заклятий.

А Тогот подгонял меня. Он боялся появления каравана. До того, как появится первый караван, он должен был выучить меня хотя бы основам. Тогда, не разбираясь в демонологии, я не мог понять всеобщей картины, не мог осознать истинное положение Тогота и безвыходность ситуации, с которой он столкнулся.

Долго мы мучались с этим расслаблением. Во-первых, пытаться расслабиться можно было только в ночное время. В школе подобные фокусы проделывать невозможно, а дома я находился под неусыпным оком родителей, которые в любой момент могли обратиться ко мне, нарушая необходимую концентрацию. На вопрос: «Что ты там затих в углу, выпучив глаза?» мне нечего было ответить.

Ответ мой покемон нашел в одной из древнекитайских гимнастик «Чиненгун». Натолкнула же его на это моя очередная двойка – в этот раз двойка по физкультуре. Нас заставляли разучивать какие-то дурацкие гимнастические упражнения. Два шага вперед, пятки вместе – нозки врозь, взмахните правой рукой, опишите полукруг левой и так да-

лее... Так сказать, занимались гармоничным развитием будущих строителей коммунизма. Но у меня в голове в этот день было совсем другое. Утром, когда на уроке русского языка, я на промокашке по приказу Тогота пытался воспроизвести колдовскую фигуру – *знак закрытия пути*, я сделал четыре ошибки. Всего четыре! Но покемон рассвирепел! Он рвал и метал.

– Если ты не в состоянии воспроизвести магический символ самого низшего порядка, то зачем я вообще возжусь с тобой! – взвился он. – *Чем учить тебя, мне проще тебя прикончить и взять в ученики кого-то другого!*

И вот стоя в строю на уроке физкультуры, я мысленно пытался найти ошибки в начертанной мной фигуре. Одну из них я обнаружил сразу, а вот остальные три... Естественно слова физрука я пропустил мимо ушей, и когда меня вызвали из строя, чтобы я повторил необходимые движения, я не знал что делать. В итоге физрук жирно вывел в моем дневнике:

Гимнастика – 2(два)!!!

Я стал просить Тогота, чтобы он «очистил» мой дневник – стер двойку Но покемон заупрямился. Два оставшихся урока я просидел в прострации, готовясь к очередному скандалу дома, жалея себя, мысленно посылая проклятия Тоготу. Но, судя по всему, мой покемон меня не слышал. Обычно, стои-

ло мне подумать про него какую-нибудь гадость, он словно малыш, которому показали язык, тут же начинал возмущаться, называя меня в ответ разными обидными словами или вспоминая те мои поступки, о которых никто-никто никогда не знал и которые мне самому стыдно было вспоминать. Но сейчас он не откликнулся. Значит, был чем-то занят.

Зато, когда прозвенел последний звонок, и мне волей-неволей пора было тащиться домой и объяснять свои «успехи» по гимнастике, Тогот обрушился на меня с радостным криком:

– *Нашел! Ура!*

Я аж подскочил.

– Что нашел? – только и нашелся я.

– *Ты, чего?* – сосед по парте, Гера с удивлением повернулся ко мне.

Я лишь отмахнулся, вновь обратившись к Тоготу, но в этот раз ментально:

– *Чего ты там такое нашел?*

– *Чиненгун-цигун, четырехсложное расслабление по методике Сунь Ментана! Ты не представляешь! Как раз то, что тебе нужно.*

– Не понял, – мрачным голосом под нос пробормотал я.

– *Тут и понимать нечего. Теперь, чтобы исправить двойку, ты станешь заниматься гимнастикой дома.*

От злости меня аж перекосило. Размахнувшись, я изо всех сил треснул портфелем по парте. Но этого никто не заметил.

Все уже давно покинули класс, бегом помчавшись в раздевалку.

Я ведь надеялся, до последнего надеялся, что покемон прикроет меня, стерев двойку в дневнике. А он! Он использовал меня в своих целях. Иди, Артурчик, получи свою головомойку. И ничего тут не попишешь.

Что ж, еще одна двойка. Двойка, так двойка, к головомойкам мне не привыкать, зато теперь, я мог часами стоять посреди комнаты, для вида вытянув руки в стороны или перед собой, повторяя несложные формулы древнекитайского учения. Мать как-то даже похвалила меня за то, что я «делаю уроки» по такому предмету, как физкультура.

А Тогот монотонным голосом долдонил мне в ухо:

– Все внимание на кончик носа. Расслабили кончик носа. Все внимание на губы. Расслабили губы...

* * *

А потом настало десятое декабря – один из самых безумных дней моей жизни. Не знаю, как у кого, а у меня всегда получается так, что все неприятности происходят в один день.

Началось все с того, что на первой же перемене я налетел на Александра-тощего. После того «купания» он, впрочем, как и его тезка, меня словно не замечали... А тут я попался. Александр только что оторвался от разглядывания вкладыша к жвачке, которую он отобрал у какого-то первоклашки.

Теперь же его глаза скользили по толпе, словно взгляд опасного хищника, из засады выискивающего себе новую добычу.

– А, пловец. Давно не встречались! – радостно взвыл он, и, схватив меня за ворот пиджака, выудил из толпы. Резко развернув, он поставил меня к себе лицом, крепко удерживая за грудки. Тут же вокруг нас образовалась толпа. Предстояло «интересное» зрелище – «расправа». Естественно, никто из зрителей не хотел стать жертвой, но поглазеть, все были готовы с радостью, и я отлично знал, что помощи ждать неоткуда. Первая смачная затрещина подтвердила мои самые худшие опасения.

Я осторожно поднял взгляд. Нет, ухмылка Александра ничего хорошего мне не сулила.

– Ну и что, урод, мне с тобою делать?

Зная, что переменка короткая, всего пять минут, я попытался извернуться. Если бы я мог сейчас вырваться и успеть забежать в класс! Вот-вот начнется урок, а там при учительнице Александр меня и пальцем тронуть не посмеет.

– *Расслабься*, – неожиданно услышал я голос Тогота. – *Расслабься. Не мешей мне. Надо проучить этого хама.*

Конечно в другой ситуации, я бы поспорил с Тоготом, поинтересовался, что он собирается делать. Положение казалось безвыходным. Счет шел на мгновение.

– *Делай, что хочешь*, – мысленно откликнулся я, безвольным мешком повиснув на руках Александра. Тот удивленно

посмотрел на меня, потом встрянул как грушу.

– Ты мне здесь еще придуриваться будешь... – начал было он, но договорить не успел.

Мое тело пронзила страшная боль – судорога, потом вопреки моему желанию моя правая рука сама пошла вверх. Мои пальцы сжали огромную лапу Александра. Неожиданно глаза моего мучителя округлились, вылезли из орбит. Как потом объяснил мне Тогот, я надавил на болевую точку, временно парализовав руку Александра. Повинуясь все тем же таинственным импульсам Тогота моя нога развернувшись ударила противника под коленную чашечку, и взвывая от боли, тот рухнул на колени. На мгновение я встретился с ним взглядом. В переполненных слезами глазах Александра читалась такая злоба, такая ненависть, что я понял: не жить мне на этом свете. Я уже хотел было броситься к нему, помочь подняться, вымаливая прощение, но Тогот не позволил мне этого. Мгновенным движением (сам я никогда быстрой реакции не отличался) я полуразвернулся и со всего маха ударил пяткой точно в правый глаз Александру. Классический удар. Под общий восторженный вздох зрителей, мой мучитель рухнул на пол, как подрубленный дуб.

И тут прозвенел спасительный звонок. Но для кого?

Повернувшись, даже не взглянув на поверженного врага, я молча прошествовал к дверям класса. В какое-то мгновение мне казалось, что сейчас, несмотря ни на что Александр встанет и бросится на меня... Ну, в больницу я попаду точ-

но. Я хотел сторбиться, сжаться, стать незаметным. Но Тогот мне не дал.

– Ну, ты и трус! – прошипел он мне в ухо. – Чего теперь-то бояться. Дал ему в глаз, теперь надолго запомнит.

Честно, в первый момент из всего, что сказал мне Тогот, я расслышал только слово «трус», и это слово меня покорибило. А ведь и правда, я был трусом. Маленьким забитым пареньком. Слезы навернулись мне на глаза, но я сдержался, в конце концов, я впервые в жизни, пусть даже при помощи Тогота стал победителем.

В класс вошла Инна Сергеевна.

Надо же было, чтобы сейчас, именно сейчас был урок английского!

– Ну, ты даешь, – прошептал мне Гера, садясь и хлопая партой. – Где ты этому приемчику научился... – А потом оптимистично добавил. – Ты смотри, Тощий из тебя после уроков отбивную сделает...

И тут появился Александр. Зрелище он собой являл, прямо скажем, неприглядное. Глаз, по которому я вдарил, полностью заплыл, превратившись в единый синяк, уже начинающий наливаться багрово-синими цветами.

– Цветков, почему ты опаздываешь... – начала было Инна Сергеевна, но тут увидела всю красоту. – Что с тобой Цветков? Что случилось?

– Поскользнулся на лестнице, – размазывая по лицу сопли и слезы, прошипел мой мучитель. А потом, так чтобы учи-

тельница не видела, показал мне кулак. Нет, Александр, не смотрел на меня, но я-то отлично понял, кому предназначается этот выразительный жест.

– Иди срочно в медпункт, – заверещала Инна Сергеевна. – Так, дети, открывайте учебник на шестьдесят восьмой странице, и начинайте делать упражнение. Пойдем, – она взяла Александра за руку. – Пойдем, я тебя провожу...

И они покинули класс.

Тут же Гера и Вовчик с Андреем, сидевшие позади, накинулись на меня:

– Ты чего, сдурел? Тощий тебя порошок сотрет. Ты знаешь, какой у него старший брат?..

– Здорово ты ему врезал, со всего маху...

– Слушай, а ты меня не можешь научить так, хрясть и...

Я лишь отмахнулся.

* * *

А на следующей перемене я отправился к директору.

Перед самым звонком с урока в класс заглянула одна из старшеклассниц, что-то прошептала на ушко Инне Сергеевне, и та аж в лице изменилась. Как только прозвенел звонок, учительница объявила:

– Так, теперь все на перемену, а ты, Артур, пойдешь со мной к директору.

Вот только директора мне и не хватало.

– *Доигрались*, – фыркнул я Тоготу.

– *А чего ты хотел*, – насмешливо ответил тот. – *Ты же парню, чуть глаз не выбил!*

– *Я!* – тут я аж взвился от злости.

– *Да, брось ты*, – игриво продолжал Тогот. – *Ничего страшного не случится.*

И я, понуриив голову, отправился следом за Инной Сергеевной.

В кабинете директора я бывал лишь однажды. Меня попросили туда что-то занести. Оказаться вызванным к директору или на педсовет в учительскую считалось верхом неприятностей. Так ведь и из школы выгнать могут, а то еще хуже – поставят на учет в детскую комнату. Я знал, что ни в коем случае нельзя оказаться на этом самом «учете», иначе напишут плохую характеристику и в институт не примут. Так, во всяком случае, грозила мне мать, во время очередной выволочки.

Предчувствуя самое плохое, я вступил в святая-святых нашей школы.

Яков Григорьевич оказался точно таким, каким я запомнил его на сентябрьской линейке: невысокий, лысоватый с двойным подбородком крошечными, свиными глазками, спрятавшимися за толстыми линзами огромных очков. Александр тоже был здесь. Его подбитый глаз уже принял должный фиолетовый оттенок, а под глазом протянулась полоска пластыря.

– Ну и что, Артур Томсинский, изволь поведать нам, как тебя угораздило изувечить своего товарища?

Я ничего не сказал. Инна Сергеевна тоже молчала, с недоумением переводя взгляд с Александра на меня, а потом снова на Александра.

Потом решительным шагом она подошла к директору и что-то зашептала ему на ухо.

– *Что теперь делать?* – поинтересовался я у Тогота.

– *Сознайся,* – предложил покемон. – *Расскажи им, как все случилось. Хуже не будет, поверь мне.*

– *Ага, один раз уже поверил,* – мысленно прошипел я.

– *И что? Разве плохо получилось?*

Ничего хорошего в том, что происходило, я не видел. Я бросил украдкой взгляд на Александра. Да, выглядел он впечатляюще!

– Нет, Инна Сергеевна, – неожиданно объявил директор, вставая из-за стола. – Тут никакой ошибки быть не может. То, как этот ваш мямля врезал ногой в глаз Цветкову, видели многие. Так что придется нам принимать определенные меры. Но для начала я бы хотел поговорить с этим «героем» с глазу на глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.